

A detailed illustration of a knight in full plate armor, including a surcoat with a crest, standing in a stone archway. He is looking out over a scenic landscape featuring a stone building with a conical roof, rolling green hills, and distant mountains under a cloudy sky. The knight has blonde hair and is wearing a dark hooded cloak.

Дмитрий Леонидович

ЕЩЕ ОДИН
НЕКРОМАНТ
1

Беглый
смертник

18+

Дмитрий Леонидович
Еще один некромант
1. Беглый смертник
Серия «Мир некромантов», книга 4

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68858403
SelfPub; 2024*

Аннотация

Если ты погиб и очнулся в темном подвале в куче трупов – определенно, у тебя проблемы. Жизнь и смерть в этом мире реальны. Спрятать голову в песок не удастся – над тобой не просто надругаются, еще ошипают и пустят на мясо. Герою нужно вернуть себе свободу, выжить, не сойти с ума, разбогатеть, найти свое место среди людей... Много чего нужно. И поможет герою в этом дар некромантии и опыт сражений.

Содержание

Пролог	4
1. Пробуждение	8
2. Побег	18
3. Первый грабеж	26
4. Дорога в город	41
5. Знакомство с Билоном	51
6. Диверсия	63
7. Завершение операции	83
8. Препятствия для бегства	95
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Дмитрий Леонидович

Еще один некромант

1. Беглый смертник

Пролог

– Как ты мог так напиться, чтобы хватать эту Наташку за задницу!

Таня сидит за рулем своего «Мерседеса». Мы поехали на ее машине, чтобы я мог пить. Теперь она клюет мне мозг.

Что я могу ей ответить?

Что был трезв и мне совершенно не требуется напиваться, чтобы хватать Наташу за ее круглую попку?

Что я не хватал, а нежно поглаживал ее упругие полушария, которые прикрывала только мягкая ткань платья? И до сих пор ладонь помнит это ощущение шелковистой гладкости?

Что я с ней продолжаю регулярно встречаться?

Уж лучше промолчать.

Какая тварь заметила нас в темном углу, сфотографировала и переслала фото Тане? В сущности, это тоже уже неважно.

– Тебе меня мало? – выкрикивает подруга очередной ри-

торический вопрос.

С этим всё сложно.

С Наташей я недолго встречался до того, как Татьяна прыгнула ко мне в постель. Прыгнула, стала ко мне бегать, устроила так, чтобы Наташа об этом узнала. Та обиделась, сказала, что у нас всё кончено. Так я стал встречаться с Татьяной.

Потом пересеклись на вечеринке у общих знакомых с Наташей, как бы случайно оказались наедине, и оказалось, что ничего не кончено. Наташа по-прежнему ко мне неравнодушна, я по-прежнему ее хочу.

Ее тело вызывает во мне настоящую страсть. Никогда никого так не хотел.

Мы с ней почти противоположности. Она светленькая, с волосами пшеничного цвета, голубоглазая, стройная, а главное – у нее потрясающая нежная шелковистая кожа, белая, с легким медовым оттенком. А еще – мягкие розовые губы, розовые соски и почти нет волос на теле.

Почему я выбрал не ее, а Татьяну? Тут много причин.

Главная – мы с Наташей настолько противоположности, что у нас из-за этого сложно в сексе. Стоит мне чуть потерять контроль, и мои действия становятся для нее болезненными, ее возбуждение срывается и она остается без оргазма. Получается, или я не могу расслабиться и нормально получить удовольствие, или она не получает. Она не жаловалась, ей даже нравится мой темперамент, но строить долгосроч-

ные отношения без гармонии в сексе я бы не рискнул. Это как стену без фундамента выкладывать, я считаю.

Еще она простовата, с моей точки зрения. Даже высшего образования не имеет, работает медсестрой. И интересы у нее простые и практичные, мне часто с ней не о чем поговорить. Может, в качестве жены богатого папика она смотрелась бы неплохо: красива, одеваться и вести себя умеет, детей бы нарожала здоровых, стала бы прекрасной матерью. Но мне пока нужно другое.

– Выбери, или я, или иди нахрен! – продолжает буянить Таня.

Я уже выбрал.

Я не зажигаюсь так от тела Тани, но секс у нас вполне удовлетворительный.

Еще один плюс – она обо мне заботится постоянно. То пирожных к чаю притащит, то какое-нибудь новое место покажет, то фильм модный посоветует. Вроде мелочи, но мне приятно. Она вводит меня в свой мир, ненавязчиво рассказывает мне о всяких вещах, которые для нее обычные, а мне недоступны. Поездки за границу, мода, места развлечений, и многое другое, что привычно богатым и остается картинкой из кино для тех, кто живет на зарплату.

И да, с меркантильной точки зрения брак с ней гораздо интереснее. Скоро я заканчиваю институт, и ее отец мог бы дать мощный пинок моей карьере, или хоть с жильем помочь дочери. Я взрослый мальчик и не верю в сказки о том, что

можно своим трудом, умом или талантом достигнуть вершин. Таких, кто достигает – единицы, а миллионы копошатся внизу, бегая, как хомяки в колесе. Мои родители работали всю жизнь, они специалисты хорошего уровня, и только недавно расплатились с долгами за нашу квартиру, обычную трешку в спальном районе. Жить, как они, потратить на ипотеку лучшие десятилетия жизни, я не хочу. Отцу под полтинник, а он недавно впервые в Европу выбрался. А Таня в свои двадцать два объездила все дорогие курорты мира.

Так что я выбрал Таню. Но и отказаться от тела Наташи не получается.

– Ты вообще меня слушаешь?!

Я поворачиваюсь к Тане. Смотрю на нее. Она в бешенстве. Смотрит на меня. А кто смотрит на дорогу?!

– Светофор!! – ору я.

Таня поворачивает голову, испуганно жмет на тормоз, но уже поздно.

Наша машина на красный свет вылетает на перекресток, проскакивает первую полосу поперечной дороги, а на второй справа в нас летит темный силуэт с яркими фарами, внедорожник, явно превышающий скорость. Он бьет капотом в мою дверцу, хруст сминаемого металла, удар головой, темнота...

1. Пробуждение

Темнота.

Дышать тяжело. Что-то давит на грудь, и голова прижата чем-то тяжелым, и руки-ноги – тоже.

Шевелюсь. Удастся выдернуть из-под мягкой тяжести руку. Опираюсь, поворачиваю плечи, высвобождаю вторую руку, голову. Становится легче.

Под пальцами – грубая ткань, под тканью – что-то мягкое. Где-то мягкое, а где-то тверже. Кости и мышцы? Ощупываю, и волосы на моей голове шевелятся – под моей ладонью рука мертвеца. Чтобы окончательно убедиться, что это не туша животного, наряденного в одежду, нащупываю его кисть с мозолистыми пальцами. И сверху на мне тоже мертвые человеческие тела, уже остывшие, но еще не закостеневшие.

От такого открытия я начинаю лихорадочно дергаться и выбираться из-под трупов. Это оказалось несложно – надо мной оказалось всего два тела.

Выбрался.

Испуганное дыхание постепенно успокаивается.

И что дальше?

Вокруг полная темнота. Вообще полная, ничего не видно, хоть глаз выколи.

Рядом со мной – груда трупов, благоухающая бомжами.

Под ногами – ровный каменный пол, по которому шуршат

мои подошвы.

Какое-то бормотание слышу. Слов не разберу.

Воздух прохладный и влажный, но плесенью не пахнет. Зато пахивает человеческими испражнениями. И от меня тоже пахивает, потому что на штанах у меня влажное пятно, я замечаю его, потому что холодит кожу.

Только это не штаны. Это что-то типа коротких, выше колена, бриджей, а ниже... ниже – кальсоны?

Ощупываю себя.

Первый сюрприз я почувствовал, как только наклонил голову. У меня – короткая борода. Раньше я брился, чтобы отрастить такую щетину, надо не меньше пары месяцев. Я в коме лежал?

Прическа оказалась неожиданной. На висках и затылке, примерно до уровня глаз, волосы короткие, а выше – длинные, лохматятся во все стороны, на глаза падают.

На теле надета то ли куртка, то ли рубашка из плотной ткани, длиной по пояс. Застежка у нее странная – ряд круглых пуговиц, пришитых часто, почти вплотную друг к другу. Под этой курткой есть рубашка, заправленная в бриджи. И – сюрприз: то, что я принял за кальсоны, это чулки, под бриджами привязанные ленточками к нижней рубашке. А трусов под бриджами нет.

На ногах – короткие сапоги из мягкой кожи.

Бред какой-то!

Где-то недалеко послышался кашель. Звук сопровождается эхо, как в закрытом помещении с голыми стенами. Потом шарканье ног. Потом звук струи. Похоже, тут есть люди. Звать их я не тороплюсь. Когда просыпаешься в полной темноте в гряде трупов – это очень нехороший признак, стоит сначала разобраться хоть немного, что происходит. Еще и одежда странная...

Может, это морг? Меня приняли за мертвого? Вообще, я себе морги представлял как-то по-другому...

Итак, мы ехали с Татьяной. Судя по всему, попали в аварию, я пострадал серьезно.

«Эта сука меня убила!» – возникает из глубины сознания мысль. А вслед за этим – яркий образ того, как я наматываю на кулак волосы Татьяны, бросаю ее грудью на стол, задираю юбку, жестко деру ее, а потом...

А потом, не вынимая члена, я длинным кинжалом перерезаю ей горло и спокойно наблюдаю, как из ее тела уходит жизнь. И картина эта такая реалистичная, как будто я так уже делал.

Эта вспышка ярости меня огорошила.

Нет, злость на Таню вполне понятна, действительно она ведь меня чуть не убила. И волосы на кулак намотать, а потом отодрать – это кажется мне вполне уместным. Но резать глотку? Может, я из-за повреждения мозга стал психопатом? Я же головой ударился.

Ощупываю голову. Где тогда мои раны или бинты?

Непонятно.

Для пробы представляю себе Наташу. Голую. Желания резать ей глотку не возникает. Возникает острое желание отодрать ее, запереть, чтобы никуда не делась, и потом опять отодрать, и снова отодрать, и так – пока она не родит мне мальчика. Или девочку, похожую на нее. А потом – опять драть и рожать.

Вдвойне непонятно.

Раз я с собой разобраться не могу, стоит изучить окружающее. Я осторожнодвигаюсь, изучая помещение, в котором нахожусь.

Это почти квадратная комната длиной метра три.

Посреди нее свалены в кучу трупы. Я ощупал верхние тела.

Трупы почти все мужские, хотя попался один ребенок и одна женщина. Некоторые в рубахах и широких штанах из грубой ткани. Некоторые – в куртках и шортах вроде моих. Ребенок – в длинной рубахе, которую я сначала принял за платье. Женщина – в блузе без застежек, жилетке и юбке. У пары трупов я нащупал перевязанные раны, но причиной смерти, судя по всему, стали не они. У некоторых одежда вспорота на поясах, манжетах и прочих местах, где можно что-то спрятать. Карманов ни у кого не нашел. Денег, оружия, документов – нет. Вообще ничего, кроме одежды. Как и у меня. Я задумался о том, чтобы снять с трупа шорты вме-

сто моих, подмоченных. Не стал, побрезговал.

Прошелся вдоль кирпичных неоштукатуренных стен. Ничего интересного не нашел. Комната совершенно пустая, ни мебели, ни какого-то оборудования, никакой утвари. Только груда трупов. Похоже, это помещение именно как временный склад трупов и используют. Почему временный? Потому что трупы все относительно свежие, запаха еще нет. Значит, их всех одновременно убили, сложили и скоро уберут отсюда.

При движении по периметру комнаты я наткнулся на дверной проем.

Я уже собирался выйти, и тут понял, что темнота перестала быть абсолютной. В дальнем углу комнаты на уровне пола появилось слабое свечение. Чуть светящаяся точка. Потом еще одна. Они короткими перебежками двинулись к трупам. Сначала я думал – показалось, но точки вели себя вполне логично. А потом мой слух различил еле слышный писк и цокот маленьких коготков по камню.

«Крысы» – понял я.

Находиться в полной темноте с крысами оказалось неприятно. В глубине души я, почему-то, был настроен флегматично: крысы и крысы, экая невидаль. Но воображение подкидывало мне мысли, что они могут на меня напасть, пользуясь моей слепотой. Рефлекторно захотелось отмахнуться от крыс, сделать так, чтобы они исчезли. Это желание оформи-

лось в мысленный образ, как будто я рукой смахиваю огоньки крыс в сторону. И внезапно они исчезли. Огоньки исчезли, а крысы перестали цокать когтями и пищать. Может, замерли? Больше я их не слышал.

Я вернулся к изучению помещения.

В глубоком дверном проеме, у которого я стоял, висела дверь, сейчас открытая. Массивная, из толстых досок, укрепленная металлическими полосами, на ржавых кованых петлях, вделанных в стену. С зарешеченным окошком и массивным запором снаружи.

Окошко и запор наводили на мысль о тюремной камере. Хотя почему на запоре нет никакого замка? Странно. Какая-то раритетная тюрьма из далекого прошлого? Впрочем, это неплохо согласовывалось со странностями в одежде.

Над этим стоило задуматься, но задумываться было страшно.

Я на ощупь вышел из комнаты в коридор.

Тут сильнее чувствовалось присутствие людей. И запахи испражнений витали, и негромкий храп слышался, иногда дерево поскрипывало, как будто кто-то вертится на кровати.

Я двинулся вдоль стены, касаясь ее пальцами. Старался идти тихо, не привлекать внимания.

Быстро добрался до конца коридора. Там наткнулся на столик, на столике – прямоугольная корзинка с чем-то, по-

ходим на очень некачественные липкие церковные свечи. Рядом – подсвечник на семь свечей. Спичек, зажигалок или других источников огня не нашлось.

Около столика – ступени, ведущие вверх. На высоте метра в полтора лестница упирается в дверь, массивную, запертую снаружи.

Изучив конец коридора, я перешел к его противоположной стене и двинулся вдоль нее назад, в сторону звуков, издаваемых людьми.

Добрался до первого дверного проема. Ощупал дверь. Глянул в окошко, там меня ожидал сюрприз – внутри камеры было свечение, похожее на то, что от крыс, но гораздо ярче. Свечение это сконцентрировалось в небольшом огоньке, расположенном в дальнем углу, но его отблески очерчивали рядом еще что-то. Не сразу я сообразил, что отблески подсвечивают фигуру лежащего человека.

Свечение вызвало мое любопытство. Я посмотрел на свои руки – светятся ли они? Пригляделся – вроде есть. Но главное – в центре моей груди ровно светит яркий огонек. Рассмотреть его было сложно, я его видел только краем глаза, когда голова до предела наклонена, но сразу стало заметно, что мой огонек намного ярче, чем у человека в камере.

Куча трупов, темный подвал с камерами, отсутствие современных материалов и приспособлений, огоньки эти загадочные – всё это было странно, но пока думать о странностях рано. Надо собрать больше информации.

Общаться с человеком в камере я не стал, двинулся дальше. Следующая камера оказалась пустой и незапертой. И еще две за ней – тоже. Видимо, раньше там обитал кто-то из тех, кто сейчас лежал в куче трупов.

Потом я добрался до запертой двери.

Когда я стоял у нее, пытаюсь заглянуть в окошко, вдруг с возгласом «Кто здесь?» передо мной появляется человек. Я видел его, как свечение, огонек в нижней части груди и отблески по всему телу. Заключенный вынырнул из-за стены так неожиданно, что я рефлекторно отпрянул. А еще – мысленно отмахнулся от него, как раньше отмахивался от крыс.

Свечение погасло. Я слышу шорох тела, сползающего на пол.

Что это было?

Заглядываю в окошко – нет свечения. И человек признаки жизни не подает.

Секунду я обдумываю тот факт, что человек говорил со мной не на русском. Свой вопрос «Кто здесь?» он задал на милосском, который я неплохо знаю, а мой родной язык – низотейский, его горный диалект. Откуда я это знаю? Знание пришло изнутри, из глубины памяти.

Я начинаю принимать мысль, что я не на Земле. Проще согласиться с тем, что я погиб и попал в другой мир, чем придумывать другую версию, которая логично объяснила бы вот это вот всё.

Встряхиваю головой и решаю – надо посмотреть, что с человеком.

Стараясь не шуметь, открываю запор на двери камеры. Тело лежит у двери. Теплое. Пульса нет. Сердце не бьется. Я что, убил человека?

Понимаю, что это плохо, но никаких эмоций эта мысль сейчас у меня не вызывает, даже удивления. Убил и убил, что ж теперь? Судя по кучке трупов, тут все смертники, включая меня.

С другой стороны – убийство в любом обществе должно быть преступлением.

С третьей – воскрешение трупа тоже событие незаурядное, и лучше бы мое воскрешение скрыть. А у меня тут как раз и лишнее тело образовалось. Если его в кучку подкинуть, то количество мертвецов сойдется.

Я легко поднимаю тело за руку, закидываю себе на плечи и подхватываю за ногу второй рукой. Выпрямляюсь и несу его так привычно и непринужденно, как будто переноска человеческих тел – мое обычное занятие.

На ощупь нахожу комнату с трупами и сбрасываю тело в общую кучу.

Я исследовал коридор до конца. В пяти камерах присутствовали живые люди. В двух десятках – никого.

В каждой камере стояла дощатая лавка, деревянное ведро для испражнений, кувшин с длинным носиком с водой. Вода

в кувшинах оказалась вполне чистой, я напился.

Что дальше?

Выбраться из подвала нельзя – наружная дверь заперта, других выходов я не нашел. Раз нельзя сбежать – нужно спрятаться. Только куда? Тут есть только камеры.

Я поколебался, выбирая – спрятаться в одной из дальних, пустующих, или занять ту, в которой был заключенный, которого я случайно убил своим мысленным жестом.

Живых заключенных мало, если кого-то не досчитаются, начнут искать. Так что правильнее сразу занять то место, где должен быть человек. Только дверь прикрыть, не запирая. При свете свечей не задвинутый запор могут и не заметить.

Оружием бы еще разжиться... но в умелых руках и деревянное ведро – оружие.

«А разве у меня руки умелые?» – удивился я.

Я, прихватив с собой пустое ведро, занял место в камере, плотно прикрыл дверь и стал ждать. Пока ожидал – заснул.

2. Побег

Просыпаюсь я от скрежета замка. Кто-то открыл дверь, ведущую в подвал. В окошке – слабые отблески света, они мигают, когда движение воздуха треплет пламя свечи

Я тихо подхватываюсь, нащупываю свое боевое ведро и затаиваюсь около двери в камеру. Мною движут звериные инстинкты.

Свет в коридоре становится ярче – это зажгли подсвечник на столе у входа.

– Давайте, таскайте.

– Да, господин.

Разговор идет на милосском.

Слышится шорох. С таким шорохом волочатся по камню ноги трупов. Стукнула дверь. Носильщики мертвых тел ушли, прихватив с собой одно из них.

Я жду. Пытаюсь выглянуть в окошко двери, но ничего не вижу – из-за толстой стены в дверном проеме в мое поле зрения попадает только то, что напротив моей камеры.

Шорох шагов. Тихое позвякивание металла. Это не стоит на месте тому, кто привел носильщиков. Похоже, он один. И носильщика, видимо, два. Таскать тела они будут долго.

Носильщики возвращаются. По шагам я понимаю – они зашли в комнату с трупами. Что сделает скучающий надсмотрщик, когда в его поле зрения есть парочка подсобных

рабочих? Будет наблюдать за ними. Больше тут наблюдать не за кем. Значит – можно приоткрыть дверь и выглянуть. Тем более, моя дверь довольно далеко от входа и свечей, тут темно.

Приоткрываю. Выглядываю.

У входа, спиной ко мне, стоит немолодой высокий толстый мужчина в кафтане, шортах и чулках. На его поясе – кинжал и короткий меч. Судя по толщине запястий и прямой спине воина, пользоваться мечом мужчина умеет, хотя сам он сейчас не в лучшей форме.

Из хранилища трупов показались носильщики. Они вдвоем за руки тащат тело. Перед лестницей перехватывают его, один берет под руки, второй – под колени.

Я тихо прикрываю дверь.

Носильщики безоружны. Одеты в рубахи и штаны. Значит – не воины. Опасности не представляют.

Жду дальше. Уши вслушиваются в шаги надсмотрщика. Тело прижимается к стене и готово к рывку. В руке – деревянное ведро.

Возвращаются носильщики. Заходят в комнату с телами. Пора!

Открываю дверь и бегу к надсмотрщику. Он стоял спиной, но что-то услышал, разворачивается, увидел меня, хватывает меч и кинжал.

Я на бегу взмахиваю рукой и отправляю ведро в его голо-

ву. Он пригибает ее, уходит вбок, но параша все равно падает, хотя и не так удачно, как хотелось бы мне. С глухим стуком она отлетает от головы, надсмотрщик ошеломлен. Это не мешает ему вслепую отмахнуться мечом.

Я отпрыгиваю от меча и тут же подшагиваю вперед. Левая рука блокирует правое запястье противника, правая нога бьет по его голени и ломает ее. Надсмотрщик со стоном падает, он дезориентирован, но оружие всё еще в его руках.

Шаг, нога бьет пяткой по голове, та глухо стучается затылком о пол. Тело надсмотрщика обмякает.

Из дверного проема вылетает носильщик. Я незамысловато сбиваю его с ног ударом кулака. Второй застыл, смотрит на меня, его губы трясутся от страха.

– Замер! На колени! – бросаю ему.

Он слушается.

Сам я подбираю кинжал и ударом под подбородок заканчиваю с тюремщиком. Потом избавляю от мучений носильщика со сломанной челюстью.

Всё это я проделал, не задумываясь, на рефлексах.

Я подошел к пленному носильщику. Прихватил его рукой за волосы, поднес кинжал к его горлу. Работник стоял на коленях, бледный до синевы, с трясущимися губами, его щеки от страха как будто стекли вниз, а лоб сморщился. Я много раз видел такие лица.

Опасность была устранена, подошло время допроса.

И тут на меня накатило понимание, что за время моего сна многое изменилось.

Когда я очнулся в куче трупов, я осознавал себя землянином, молодым парнем, студентом, который попал в странные обстоятельства.

Теперь же я стал кем-то другим. Я помнил не только свое земное детство и юность, но и местные. Мне стали доступны язык, знания и память моего местного «я».

Он оказался моим ровесником, но его опыт и уверенность подавляли земную личность. Местный-я действовал быстро, не задумываясь, поэтому в критических обстоятельствах тело находилось полностью под его контролем. Чувства, привычки и навыки тоже достались от него. От земной личности осталась совесть и навыки логического мышления, без которых я-местный прекрасно до сих пор обходился.

– Ты знаешь, кто я? – начал я допрос.

– Горец, господин, – пробормотал работник.

– Не просто горец. Я наемник, не пропустивший ни одной кампании с тех пор, как мне исполнилось шестнадцать зим. Семь кампаний. Первой стал неудачный морской поход в Алитанию.

– Да, господин.

– Но я не просто наемник. Меня зовут Бенек. Я десятник «Пестрых собак». Ты слышал о нашем отряде?

– Нет, господин. Я же не военный.

– В нашем отряде воевали те, кто делает это не ради денег.

Те, кому нравится убивать. А после захвата города мы любим развлекаться. Я, правда, предпочитаю женщин, но снять шкуру и с тебя могу.

– Не нужно, господин.

– Подними левую руку, я сломаю тебе палец. Если ослушаешься – сломаю все пальцы.

Пленный поднял дрожащую руку. Я без колебаний захватил его мизинец в свою ладонь и быстрым движением сломал его. Носильщик взвыл и заплакал.

– Теперь ты знаешь, что со мной шутить нельзя. Сейчас ответишь на мои вопросы.

– Да, господин.

– Что находится за дверью из подвала?

– Продолжение лестницы, дальше – коридор. Если идти направо, там учебный корпус, студенты-некроманты, преподаватели. Налево – покои тюремщика и выход на хозяйственный двор.

– Что во дворе?

– Там почти рядом калитка на кладбище. Поодаль конюшня, еще дальше – столовая.

– Калитка заперта?

– Нет, господин. Мы тела таскали, сейчас открыто.

– Тюремщик один живет?

– Нет, с женой.

– Молодая жена? – заинтересовался я. У моего тела женщины не было уже четыре месяца, с момента моего пленения.

ния.

– Совсем молодая. На прошлых праздниках женился, де-
вушку-крестьянку взял.

Прошлые Осенние праздники были месяца два назад.

– Как скоро сюда придут люди?

– У первого курса занятия с подопытными вчера были, они теперь до следующей недели не придут, – пожал плечами пленник. – А когда кто другой появится – откуда мне знать?

Всё, что имело практическое значение, я узнал. Я быстрым движением провел лезвием по горлу пленника и толкнул его тело на пол, чтобы на меня не плеснуло кровью.

Первым делом я снял с тюремщика пояс с ножнами и нацепил его на себя. Подобрал его меч. Еще кольцо с ключами подобрал. Обыскал тело, надеясь найти деньги, но денег не оказалось. Незачем ему деньги в подвале. Впрочем, в его покаях что-то обязательно найдется.

Потом я вспомнил о защитном амулете. В неверном свете свечей я видел на груди тюремщика яркое свечение, мигающее в непредсказуемом ритме. Это и был амулет, он забивал своим блеском свечение самого человека, а еще блокировал магические *формы*, направленные на него. В бой с амулетом, неизвестно кем сделанным, я бы не пошел, но пока за неимением лучшего и этот сойдет. Тем более, тут вокруг полно студентов, способных по дурости на любую пакость, амулеты должны быть надежными. Я выдернул из-под рубахи труп

шнурок с побрякушкой. Там оказался еще один амулет, который светился ровной искоркой. Может, для поддержания здоровья, а может – для потенции, кто его знает. На себя я надел только защитный.

Пока мои руки занимались простыми и нужными делами, я задумался.

Я убил трех человек. Смущало меня это? Должен честно признаться, что не смущало. Даже мои земные представления позволяли убивать ради спасения своей жизни. Конечно, я мог бы запереть последнего пленника в камере, а не убивать. Сразу не подумал об этом, теперь жалеть уже поздно. Конечно, мне не нужен лишний живой свидетель. Но его всё равно призовет и допросит некромант, так что мертвый свидетель остался, разница небольшая. Получается, бессмысленно я его убил. Нехорошо это, неправильно.

Зря я ему свое имя сказал, может меня перепутали бы с прошлым жильцом камеры. Опять-таки, сразу не подумал, а теперь поздно жалеть. У меня сейчас вообще сложно со способностью вовремя подумать. Не тело, а какой-то сосуд с тестостероном.

О том, что я убил людей, я не жалел. А вот то, что я собирался сделать дальше, у моей земной половинки вызывало большие вопросы...

Заключенные, конечно же, слышали, что в подвале происходит что-то необычное. Сначала притихли, а потом стали

просить, чтобы их освободили.

– Горцы тут есть? – уточнил я на низотейском.

Молчание. Нет горцев. А остальные меня не волнуют. Пусть сидят. Потом их убьют в учебных целях. Да и ладно – сюда вряд ли невинных овечек посадили. И я тоже не невинен, на руках моего тела крови больше, чем у некоторых аристократов.

Я поднялся по лестнице и вышел за дверь.

На этой двери был замок, довольно сложный и даже поблескивал магией. Наверное, не столько от побега заключенных, сколько от студентов, чтобы те не полезли в подвал без спроса. Я нашел на кольце, снятом с тела тюремщика, подходящий ключ, запер подвал.

Вышел в коридор. Там пусто. Повернул в сторону жилья тюремщика. Вход в покои оказался совсем рядом. И даже дверь не заперта.

Вошел.

3. Первый грабеж

Из соседней комнаты на звук стукнувшей двери вышла молодая женщина. По земным меркам – почти девочка. С мужем у нее разница была лет в двадцать пять, а то и в тридцать.

Увидела незнакомого человека с оружием, испуганно ахнула, прикрыв рот ладошкой.

– Тихо! – тут же приказал я.

Замерла.

– Ты жена тюремщика?

Кивнула.

Я огляделся. Окна забраны свинцовыми рамами с витражами. Через них быстро не выскочит, да и на помощь не позвать.

Я запер дверь на ключ. Теперь и через дверь не убежит.

Заглянул в дверной проем, откуда она вышла. Там еще одна комната, в ней – никого.

Жил тюремщик бедненько. Его покои состояли из двух больших комнат. В передней – обеденный стол, лавки, камин, в задней – большая кровать, на которой кроме супружеской пары могут спать еще несколько детей, а то и приبلудная племянница или кто-то из стариков-родителей. Кроме кровати по мелочи еще мебель всякая – стулья, шкаф, сундуки. В спальне, в углу, каменная ванна сделана, рядом сто-

ит ночная ваза и кувшин для подмывания.

Я повернулся к хозяйке, которая всё это время настороженно молчала.

– Я мужа твоего только что убил.

Женщина вскинулась, на ее лице мелькнула странная гримаса – как будто одновременно улыбнуться и расплакаться пытается. Мелькнула и исчезла, женщина потупилась в пол.

– Если будешь покорна – тебя не убью.

Головой кивает. Будет она покорна. Куда деваться.

Моя местная половина таких молодок много видала. Пока они в девках, и им есть что терять, они еще плачут, когда в руки наемников попадают, некоторые даже брыкаются, а те, кто замуж уже вышел – им всё равно, надо перед мужем ноги раздвинуть – раздвинет, солдату попадется – и под него ляжет.

Жена надсмотрщика отличалась от крестьянок только тем, что одета по-городскому: в нижнее и верхнее платья, а под платьями еще и рубашка, наверное, есть.

– Я тебя ограблю и возьму в постели, – пояснил я, чтобы у женщины не было иллюзий.

Кивнула.

– Как тебя зовут?

– Поля, Полетта если полностью.

– Клади на стол все деньги, что есть в покаях.

Грабеж – это первое дело. Если что-то случится, то убежать лучше с деньгами, чем с голым задом.

Женщина сходила к сундуку в спальне, вытащила из него кошель. Я проверил содержимое – серебряные рубли, пять штук, и еще горсть мелких «чешуек», на пару рублей в сумме. Золота нет.

Небогато тюремщик живет. Хотя с чем сравнивать – для крестьянина и это настоящее сокровище.

– Это что, всё? – разочаровался я.

Поля метнулась к шкафу на кухне, добыла малый кошелек. Там и вовсе мелочь, серебряные чешуйки по одной, две или пять стрелок, в сумме и рубля нет.

– Это мне муж давал, чтобы в город сходить могла, пирожок купить или ленту, – пояснила женщина.

Я скептически посмотрел на нее. Врет, что больше нет? Вроде не похоже, что врет. Ну да ладно, не в деньгах счастье. Пятки ей прижигать ради поиска заначек я точно не стану. Она мне для другого нужнее.

Тут я обратил внимание на запашок, который витал вокруг меня. Когда студенты-некроманты душу меня-местного оторвали от тела, тело расслабилось, и мочевого пузырь тоже. Ну и вот так я с тех пор хожу, с обоссанными шортами.

– Покопайся в вещах мужа, найди шорты для меня. Ищи размером поменьше, муж твой толстым был.

Разговаривать приходится на милосском, а я им не совсем свободно владею, поэтому фразы у меня корявые.

Пока женщина перебирала вещи, я снял шорты. При свете дня, пробивающемся через витраж, увидел, что у меня и на

чулках пятна расплываются, и на нижней рубахе.

– Еще чулки и рубаху ищи, – добавил указание для Поли.

А сам разделся донага. Из моей одежды только кафтан остался не испачканным.

– У тебя, господин, хорошая одежда. Я могла бы ее постирать и высушить у камина. И зашить испорченное.

Глазастая какая. Рассмотрела, что у меня потайные кармашки с моими сбережениями выпотрошили. Жаль, там ведь и золото у меня было.

Я прикинул – времени несколько часов у меня есть, вряд ли тюремщика раньше кинутся искать. Можно и одежду постирать, и самому помыться, и отдохнуть. И Полю эту пару раз взять, молодка она ладная и чистая.

– Помыть меня можешь?

– Только если из кувшина полить – воды в покаях мало.

– Давай, постирай одежду, потом помоешь меня, потом остальным займемся. Покормить меня есть чем?

– Только булочки от завтрака остались. За обедом я еще не ходила в столовую, рано еще.

Женщина подвесила в камин большой котел и налила в него черпаком воду из стоящей рядом бадьи, это для стирки и мытья. Еще и маленький котелок подвесила – для чая. Потом огонь разожгла.

Я завернулся в плед, чтобы не мерзнуть, сел у камина, босые пятки к огню вытянул. Пояс с оружием прихватил с собой, рядом положил, на всякий случай.

Сейчас я находился во временном убежище. Можно было немного расслабиться и подумать.

Я медитировал на горящий огонь. Мысли лениво толкались в моем двуличном мозге.

Раньше горные баронства посылали свой молодняк на войну с Алитанией, на северное побережье, на границу Прибрежной марки. Те, кто выживал, возвращались с добычей, обзаводились хозяйством и первой женой. Когда мне исполнилось шестнадцать, этот налаженный механизм сломался. Земли между Прибрежной маркой и Алитанией захватил какой-то выскочка. Выскочка, взявший себе титул маркграфа Русского.

Совпадение? Не думаю.

Значит, мне надо с этим маркграфом как-то пообщаться. Тем более что он оказался сильным некромантом, а я теперь вижу какое-то свечение вокруг людей и амулетов, и даже мыслью убил человека. Похоже, я тоже стал некромантом, хотя до своей смерти я-местный им не был.

Вот. И когда я подрос для своей первой войны, герцог Прибрежный решил отправить войска морем, на кораблях. Потому что маркграф не хотел, чтобы в его деревнях проходящие мимо солдаты топтали девок.

Корабли тут небольшие, плоскодонные, одномачтовые. Скорее не корабли даже, а большие лодки типа славянских ладей. Мы на них погрузились и медленно поплыли вдоль

берега. Но алитанцы об этом знали заранее и подготовили нам сюрприз. Их маги половину кораблей утопили, половина выбросилась на берег. Погибших было немало – горцы не умеют плавать, негде им учиться. А еще больше было тех, кто выжил, но потерял доспех и оружие. Поход окончился позорным возвращением. Остался я без добычи, без хозяйства и без невесты. Но хоть оружие сохранил – мой корабль на берег выкинулся.

Потом Совет горных баронов решил, что надо прекращать войну с Алитанией и начинать с Милоссией. Следующий поход был сделан на юг, через труднопроходимые горные тропы. Потом там стало проще – в сложных местах мосты и дороги построили.

Неожиданно для милосцев, горные дружины прошли сквозь скалистые хребты, сходу напали на город Равель, магическими ударами уничтожили там половину разжиревшей городской стражи, поднялись на стены и захватили город. Теперь этот город стал столицей Южной марки.

Там я получил хорошую добычу, убил первых людей, изнасиловал первых баб и познакомился с командиром «Пестрых собак».

В следующие годы горные дружины расширяли марку, захватывая окружающие баронства и береговые города. Яместный во всех этих кампаниях участвовал. Денег у меня стало достаточно, но возвращаться в суровые горные баронства не хотелось. Жизнь на южном побережье оказалась ве-

селее, женщины – доступнее, вино – крепче и слаще пива.

В этом году милосцы наняли войска из Алитании и нанесли нам серьезное поражение. Меня захватили в плен. Собирались казнить сразу после боя, с такими как я не церемонятся, но повезло – граф, захвативший меня, пожалничал и продал всех пленных скопом работорговцу, а тот перепродал меня в Билонскую академию некромантов – в качестве подопытного кролика.

В академии меня держали в темном подвале, пока не понадобился, а потом студенты-первокурсники отрабатывали отделение души от тела и убили меня. В освободившееся тело, не имеющее физических повреждений, притянулась душа меня-земного. Почему – я не знаю. О некромантии у меня-местного представления очень утилитарные.

Теперь вот сижу, думаю – надо как-то устраивать свою жизнь в этом мире.

– Господин, чай готов.

Поля подала чашку с травяным настоем и корзинку с булочками. Хорошая она, послушная и старательная.

Пока я утоляю голод, женщина стирает мои вещи. Потом развешивает их сушиться на решетку перед камином.

Смотрит вопросительно на меня – что дальше?

– Идем мыться.

Сажусь в ванну. Поля поливает мне теплой струйкой на голову и тело. Потом мне голову мылит и споласкивает. Мяг-

кой тряпочкой моет тело.

Приятно-то как! За месяцы в плену мне не до мытья было. И уж точно у меня никогда не было служанок, которые меня мылили бы мягкой тряпицей.

Я так расслабился, что она могла бы меня моим же кинжалом зарезать. Могла бы, но не попыталась. Вымыла, потом дала мягкое толстое полотенце.

– Спасибо, красавица. Зеркало есть у тебя? – Мне захотелось узнать, как я выгляжу.

– Нет, откуда? Мы не настолько богаты.

Ладно, нет зеркала, пока так осмотрюсь.

Руки у меня жилистые. С толстыми запястьями, ладонями и пальцами. На ладонях кожа грубая от рукояти меча. Тело поросло темно-русым волосом. Плечи широкие. Заметно шире и сильнее, чем были у меня-земного. Мышцы бугристые и твердые, но не слишком массивные. Живот есть небольшой. Кубики на пузе тут не в моде, тут способность свернуть шею голыми руками в приоритете, а не внешний вид. Ноги у меня мускулистые, с толстыми бедрами и жилистыми голеньями. Рост... рост, пожалуй, у меня средний или чуть выше. Коренастый я.

– Поля, опиши мое лицо? – задал я странный вопрос.

Женщина удивилась, но выполнила приказ:

– Волосы темные, глаза светло-карие, нос прямой, шрам на щеке. Вид у тебя пугающий, но не уродливый. Борода только лохматится уже, подстричь бы.

Внешний вид – это важно. Я согласился, и женщина острым ножиком из мягкого железа подрезала мне бороду. А потом еще и волосы подстригла – расчесала ровно, надела мне на голову горшок и обрезала все, что из-под него торчало. А виски и затылок намылила и побрила тем же ножом.

Обрезанные волосы мы собрали и сожгли в камине – по ним некроманты могут или смерть наслать, если защитный амулет ненадежен, или поиск устроить.

Завтрак съеден, одежда сохнет, я вымыт. Пора переходить к следующему пункту плана.

– Идем в постель. Давно у меня женщины не было.

Поля смутилась, но отнеслась к моему приказу спокойно.

Подошла к своей семейной кровати, быстро сняла верхнее платье, нижнее, чулки, подшитые на ступнях кожей, сбросила, осталась в нижней рубашке из тонкого полотна. Легла на постель, ручки вдоль тела положила, ножки выпрямила, ждет.

Посмотрел я на эту картину, и она мне не понравилась. И мне-земному, и мне-местному не интересно в неподвижное бревно членом тыкать.

У меня-местного, правда, есть испытанный рецепт на этот случай – нужно женщину раком поставить, волосы на кулак намотать и по голой заднице хлопнуть ладонью сильно, чтобы след остался. После этого они обычно живее начинают себя вести. А если затихают – удар по заднице опять их ожив-

ляет.

«Покорять женщин силой – это тупо! – возникла мысль у моей земной половинки. – Надо покорять их удовольствием».

Моя местная половинка выразила умеренное любопытство, мол – а разве и так можно? Идея доставить женщине удовольствие показалась ей новаторской и забавной.

– Встань, – взял управление в свои руки земной-я. – И рубашку скидывай.

Женщина смутилась, но выполнила. Теперь она стояла у кровати совсем голая.

Она была темно-рыжей. Фигура правильная, женственная, с тяжелыми бедрами и широким задом, узкой талией и крупной грудью. Грудь ее по форме напоминали вымя козы и заодно торчали вперед и чуть в стороны.

«Два месяца замужем, а муж ей даже сиськи не обмял» – удивился я.

Я сел перед ней на кровать, цапнул ее за талию, притянул ближе и прихватил губами ее сосок. Такая ласка, судя по всему, оказалась Поле в новинку. Она застонала, выпячивая грудь, и застыла, не зная, что делать. Похоже, муж ее вообще ласками не баловал. А я вот люблю баловать девушек. И они меня-земного за это любили, да... любили и убили.

Я долго играл с грудью женщины, потом положил ее на постель и перешел к плотным объятиям и поцелуям. Когда она стала терять над собой контроль, улегся на нее.

Поля оказалась очень горячей особой.

Кроме физической стороны удовольствия мне очень понравилось наблюдать, как ее лицо трогательно кривится от напряжения, и как она тихонько стонет в момент оргазма. А потом она заплакала, прикрывая лицо рукой.

Остановилась, шмыгнула носом, объяснила:

– У меня раньше никогда не было «маленькой смерти», а вот сейчас получилось.

Я поставил ее на колени, аккуратно намотал длинные косы на кулак, и устроил ей еще одну «маленькую смерть». И сам тоже чуть не умер от удовольствия.

Потом мы заснули. Полетта доверчиво прижималась к моему боку своим теплым мягким телом.

Я проснулся от движения женщины. Спали мы недолго, до вечера еще далеко.

Повернулся. Под руку попал мягкий зад Поли. Обе половинки моего «Я» единогласно решили, что пора сделать к ее телу второй подход.

Женщина мои действия приняла с радостью.

Наш второй секс оказался медленным и тягучим, как карамель. И таким же сладким.

После него гормоны перестали давить на мой мозг, и я вернул себе способность соображать хладнокровно.

Я лежал и прикидывал, как затеряться в городе, когда прозвучал голос Полетты:

– Возьми меня с собой, господин мой. Хоть служанкой, если женой не захочешь.

– Какой я тебе господин? Я беглый раб-смертник. А еще – насильник и убийца.

– Я же вижу – ты не простой раб. Если ты голыми руками мужа моего убил, значит, ты сильный воин, и не пропадешь. А мне теперь некуда деваться. Покои эти академии принадлежат, после смерти мужа меня из них выселят. Деньги все я тебе отдала. Что мне теперь, к родителям возвращаться? Так отец мои вещи отдаст младшим сестрам, чтобы их замуж выдать удачнее, а меня на поле пошлет работать, там я и состарюсь.

– Прямо все деньги отдала? Маловато что-то их. В академиях большие деньги за учебу платят, им незачем работников в бедности держать.

– Может, у мужа где-то спрятаны, так я же не знаю о том. Я задумался. Искать спрятанные заначки – это мне-местному привычно. Тут всего две комнаты, не баронский замок, обыскать несложно.

Прошелся по помещению. Осмотрел и простучал стены и пол. Все ровно, выпадающих кирпичей не видно, пустот нет.

Что тут кроме стен есть? Самые удобные места, где можно что-то спрятать – камин и кровать.

Заглянул внутрь камина, рукой пошарил – и точно, есть! Добыл мешочек с деньгами, он на веревочке там висел, подальше от пламени. И в кошеле этом даже пара золотых «ко-

рон» нашлась, и рублей десятка два.

На этом я не успокоился. Проверил кровать и тюфяк. Обыскал шкафы и сундуки, выбрасывая из них все вещи на пол. Нашел еще один кошелек, а в нем – несколько золотых побрякушек – амулеты, колечки. Дешевка, но всё же золото.

Я вывалил свои находки на стол. На постройку дома в деревне и обзаведение хозяйством их хватило бы, даже ферму и стадо коров купить можно было бы, а вот на приличный дом в городе – точно нет.

Рядом со мной Поля встала, грудью ко мне прижалась.

– Возьми меня с собой, – повторила.

Эта идея меня настораживала. Полетта – женщина, конечно, сладкая. И удобно с ней – постирает, приготовит, спинку потрет. Но как бы не получилось, как на земле с Татьяной. Сначала та ничего не требовала, наоборот – знала, что я не одинок. Потом стала метить территорию вокруг меня, отгоняя конкурентов. Затем начала обижаться, если узнавала, что я с кем-то другим был. А я ж не зверь какой, зачем мне обижать девушку, которая мне симпатична? Я стал ограничивать и скрывать свои знакомства. А потом привыкла – и уже требовать верность стала. И погиб я из-за ее обид в конце концов.

Я глянул на женщину, и заметил отсутствие у нее шнурков с амулетами на шее.

– А почему я не вижу амулета от зачатия у тебя?

– Так нет его. Мы с мужем ребенка хотели. Только пока

не получалось.

– А вдруг со мной получится? А мужа уже нет.

– Получится – и хорошо. Значит, я не бесплодна, проще будет нового мужа найти.

«А ведь ребенок от меня станет некромантом или ведьмой!» – мелькнула мысль.

Я в законах наследования магии не сильно разбираюсь, но знаю, что от одаренных всегда рождаются одаренные дети. И если ребенок будет одаренным, спросят маму – от кого? И выяснится, что пленник, о котором достоверно известно, что он дара не имел, вдруг стал магом. А если можно из простого человека сделать мага, это вызовет интерес у любого правителя. И станут меня искать, чтобы выяснить – как. А потом устроят конвейер по убийству рабов, чтобы в кого-то из них подселилась другая душа и дала дар некромантии...

– Давай я лучше тебе часть денег оставлю, ты сама как-то обустроишься.

– Как я одна обустроюсь? – носом зашмыгала. – Без защитника, одна, и в городе никого не зная? Меня обманут, ограбят, еще и силой брать станут. И путь мне только в шлюхи будет.

На глазах Поли появились крупные слезы.

Так-то она права. Без защитника, совсем молодая и неопытная, она обязательно встрянет. В лучшем случае, служанкой станет, но при ее молодости и красоте это не сильно от положения шлюхи отличается. Разве что драть ее будет

только хозяин, а не все подряд. Но зато и работать придется, а не только ноги раздвигать.

– Я тебе служанкой буду, не прогоняй меня только.

Я попытался уловить, какие эмоции вызывает у меня-местного идея взять с собой Полю. Чувства оказались спокойными. Молодуха красивая, заботливая, задница у нее мягкая, денег не просит. Надо брать. Если наглеть начнет – тогда прогнать, и всех делов.

– Ладно, – сдался я. – Но беременеть от меня ты не должна. В городе к ведьме зайдешь, амулет от зачатия купишь сразу. Сегодня же.

Полетта обрадовалась и захлопотала, мечась по покоям и пытаюсь понять, что из вещей ей забирать, а что – бросить тут.

Я остановил ее и уснул в столовую, за обедом. Уже давно наступило время поесть.

Пока ее не было, пересмотрел вещи тюремщика, отобрал кое-что для себя. По размеру потом Поля перешьет. Самым ценным трофеем стал плотный зимний плащ с капюшоном. Меня же в застенки еще летом упекли, теплой одежды на мне не было. Теперь хоть будет, в чем на улицу выйти.

Обед моя новая подруга принесла в корзинке. Нам достались горшочек со щами, вареная курица и каша. Наконец-то я нормально поел.

4. Дорога в город

– Нам придется по отдельности уходить, – предупредил я. – Я через ворота академии пройти не могу, придется искать путь через кладбище.

Территория академии окружена крепостной стеной высотой в четыре человеческих роста. Належке, в темноте, я бы может и влез на нее, цепляясь за щели с выветрившимся раствором. Но не днем же, у всех на виду, и с вещами. А кладбище находится уже за этой стеной, и калитка на него рядом с нашими покоями, можно незаметно проскочить. Правда, там своя ограда может быть, но вряд ли она такая же высокая, как вокруг академии.

– Ладно, – соглашается Поля. – Тогда на дороге к городу встретишь меня.

От академии до города – с полчаса пешего хода, дорога идет по полям и лугам.

– Может, ты завтра уйдешь? Я бы в городе жилье нашел.

– Нет, боюсь, до завтра хватятся мужа, меня допросят с ведьмой, и всё узнают. Сегодня бежать надо.

На том и остановились. Я ушел, а Поля задержалась собирать вещи.

Я вышел из здания и спокойно прошел по тропинке к калитке на кладбище. Людей поблизости не было, так что вряд

ли меня кто-то заметил, а если и заметил – не обратил внимания.

Калитка, как и говорил носильщик, оказалась незапертой. Я прошел через узкую глубокую арку под стеной академии и оказался среди могил. Людей тут не было, я мог спокойно исследовать местность.

В первую очередь прошел вдоль крепостной стены до границы кладбища. В этом конце оно было неухоженным, заросло кустарником, даже крупные деревья успели разрастись.

К высокой стене академии примыкала гораздо более скромная ограда кладбища. Высотой она была в два человеческих роста. Много? При необходимости я бы сумел подняться, раствор между кирпичами сильно выкрошился, и в стене было достаточно щелей, за которые можно зацепиться пальцами. Но всё оказалось еще проще – рядом со стеной нашлось ветвистое дерево, которое помогло мне забраться на ее гребень.

Сидя на гребне, я осмотрелся.

Вокруг были поля, луга, кое-где – кустарник или рощицы. На склонах холмов – виноградники. Из жилья – виднелись деревушка из аккуратных белых глинобитных домиков под соломенными крышами и несколько ферм. Около домов – сады и оливковые рощи.

Тут, на юге, да еще и около крупного города, плотность населения гораздо выше, чем в моих родных краях или на

северном побережье. Все клочки земли, пригодные для возделывания, используются. Правда сейчас зима, хоть и теплая, но всё же зима. Поля пустые, безлюдные.

Из-за угла стены академии выползала дорога, которая петляла между холмами к городу. Сам город тоже был виден смутным пятном на горизонте.

Над всем этим пейзажем нависло пасмурное небо. Было влажно и холодно, но снег не лежал и льда в лужах не видно.

Я прихватил с собой веревку, так что дальше просто спустился с гребня стены на наружную сторону, в кусты, растущие у ее подножия. Выбрался из зарослей и побрел к дороге, а потом – вдоль нее.

Выбрал место, которое не просматривалось от ворот академии, и засел в кустах – ждать Полю.

Ждать пришлось долго.

Я использовал свободное время для раздумий о себе и том, что со мной произошло. Больше всего меня волновало состояние моей головы. Когда твоя личность расколота на две половинки – кому это понравится? Правда, состояние явно улучшалось.

Вчера я осознавал себя земным, и местная память проскакивала, только когда цеплялась за какие-то внешние активаторы. Вот фразу на милосском услышал – и понял ее. А пока не услышал – и не знал о том, что есть такая Милоссия.

Сегодня с утра память меня-местного полностью подклю-

чилась, и эта личность почти подавила меня-земного.

А после того, как я поспал немного после секса с Полет-той, опять немного изменилось – теперь мои половинки нашли общий язык и не разделяются так бескомпромиссно. Хотя и полное согласие между ними вряд ли возможно.

Вот, скажем, я-земной знает, что пытаться людей – нехорошо. А в памяти меня-местного таких случаев полно. После каждого захвата города наемники вламывались в богатые дома и жгли хозяев каленым железом, чтобы убедиться, что они все деньги отдали. Я вспоминаю, как какого-то толстого купца раскаленным прутом прижигаю, тот орет от боли, и умом я сейчас понимаю – вот это вот негуманно и плохо. Но чувств эта картина никаких не вызывает, потому что за чувства у меня я-местный отвечает. И так во всем.

Зато есть надежда, что я в очередной раз выплусь, и память моя как-то объединится, и я перестану себя ощущать составленным из двух половин. И будет во мне одна цельная личность с двумя жизнями.

Мысли постепенно перескочили на жизнь меня-местного, и я стал перебирать воспоминания.

Война, вино, кровь. Убийства, грабеж, насилие. Десятки или сотни женщин, взятых силой за семь кампаний. Десятки убитых крестьян и горожан. пытки. Бои. Ранение стрелой в лицо. Все эти картины вызывают во мне животную страсть, ярость, азарт, сладость победы, но никак не раскаяние. Хотя некоторые картины оказались реально страшными.

Вот, скажем, был случай, когда «Пестрые собаки» отклонились с целью грабежа от пути основного войска и захватили богатую загородную виллу. Добыча и винные погреба там были так хороши, что отряд решил плюнуть на приказы нанимателя и месяц провел на этой вилле, занимаясь сбором ценностей и развлекаясь.

Кроме слуг, работающих на вилле, была захвачена и ее хозяйка – молодая дворянка, красавица из числа дворцовых шлюх. Ее роскошное тело было улучшено ведьмами до совершенства. Правда, совершенство это на местный вкус, а не на земной. Таких дам, как эта пленница, наши наемники до тех пор только случайно видели, когда те какого-нибудь герцога или графа сопровождают. Птица сильно не нашего полета. И вот эта птица попала в руки сотни отмороженных наемников.

Сначала ее просто насиловали, выпуская из постели только воды попить и пописать. Потом это наскучило, стали изгаляться с фантазией. Потом и это приелось, и парни быстро перешли к издевательствам и мучениям. Потому что все парни понимали, что эта красотка в других обстоятельствах даже разговаривать с ними не стала бы. Она привыкла обслуживать высших аристократов, даже бароны для нее – слишком мелкая добыча. Наемники до такого уровня не поднимутся никогда, максимум, о чем они могут мечтать – во-первых, не сдохнуть на войне, во-вторых – обзавестись хоть каким-то хозяйством, а если очень-очень повезет – получить

дворянство. Вот за эту невозможность подняться до уровня этой красоти мы и мстили ей. Когда отряд уходил с виллы, дворянка эта превратилась в кусок мяса, который добили из жалости.

И другого дерьма хватало. Как-то деревню сожгли, причем начали с дома старосты, внутри вся его семья осталась. Десятки более мелких случаев убийств и пыток ради развлечения вспоминаются.

И все эти картины никаких особенных эмоций у меня сейчас не вызывают, хотя умом я понимаю, что вызывать они должны как минимум отвращение, как максимум – желание убить себя.

Может, я все-таки стал психопатом?

Или это как раз нормально и соответствует состоянию местного общества?

«Пестрые собаки» выделялись своей жестокостью, но отличие это было не принципиальным, другие отряды тоже грабежом и пытками не брезговали, и не только наемники, баронские дружины тоже. Местная мораль такова, что грабить и насиловать в захваченном городе – это привычно и правильно. Если так, тогда я должен принять установки меня-местного, который лучше знает, как тут принято, а не страдать моральными терзаниями.

Или все же компромисс искать? С Полей получилось же. Я-местный хотел ею овладеть, и я-земной тоже. Но для меня-местного «овладеть» – значит схватить за волосы и ото-

драть, а для меня-земного – сделать так, чтобы она сама ко мне потянулась. Получилось вроде неплохо, и я сыт, и женщина довольна. Хотя тоже вопрос спорный – она теперь за мной увязалась, и как теперь с этим быть?

Вот только где ее сейчас носит?

Полетта задерживалась слишком сильно. Я даже волноваться о ней начал.

Наконец на раскисшей дороге появилась фигурка женщины. Она вяло ковыляла под весом двух больших узлов, связанных полотенцем и навьюченных на плечо. А в свободной руке у нее еще полная корзина была.

Я вышел из кустов, она вздрогнула – не ожидала. Забрал у нее узлы, перекинул себе через плечо. Вес у них оказался внушительным, примерно как у полного пехотного доспеха.

Поля устало смахнула с лица выбившуюся из-под накидки прядь.

– Устала, думала – издохну. Сначала нормально было, а потом узлы растянулись, провисли, стали по ногам бить, неудобно ужасно.

– У тебя так много вещей?

– Одежды у меня мало. Тут больше всякая рухлядь для дома. Одежда у нас хорошие, из шерсти горной ламы, я их взяла, белье постельное, полотенца, скатерти. О таком не сразу вспоминаешь, а как в хозяйстве без него обходиться? Еще немного одежды мужа захватила – потом перешью на тебя,

и посуды немного – кувшин, котелок малый, мисок и чаш по паре, ножи, таз для умывания. И на ужин продуктов в столовой набрала, в корзине.

– Какая ты хозяйственная.

Я в любой своей ипостаси вряд ли подумал бы об одеялах или кувшине. Наемники привыкли обходиться тем, что с собой можно унести, земные студенты и вовсе от хозяйственных забот далеки. Так что я, когда уходил, собрал только узел с одеждой для себя.

Поля засмушалась от похвалы.

– Ну, пошли, – скомандовал я.

Мы побрели в город. Освободившаяся от груза Полетта стала щебетать о чем-то своем, я, не особо вслушиваясь в ее слова, думал, как нам устроиться.

Когда впереди показались городские ворота, женщина задала важный вопрос:

– А как ты меня представлять будешь?

И действительно – как?

Женой? Не-не-не. Не стоит укреплять такие мысли в головке Поли.

Служанкой? Где вы видели головореза, который служанку с собой таскает, да еще с узлами шмотья? А что я головорез – с первого взгляда видно. И по морде лица, и по фигуре, и по оружию на поясе, которое только благородные могут носить и солдаты. С благородным меня точно не перепутают –

гербов на одежде нет, золотых украшений нет, и печатного перстня на руке – тоже нет.

Родственницей Полю называть?

– А сама как думаешь?

– Можно меня твоей овдовевшей сестрой представлять.

Мало ли, может, замуж меня выдашь.

Женщина оказалась практичной. Действительно, называть ее сестрой удобно – вроде и под защитой, и свободна для новых отношений. Хотя для блуда, хоть для замужества. А если ей приданого немного отсыпать, то замуж ее точно возьмут – молодая, красивая, хозяйственная.

Пока Поля была одета, как замужняя женщина, у вдов тут накидка головная по-другому носится. Замужние ее просто обручем или лентой к голове прижимают, края свободно свисают, а вдовы вокруг головы и шеи их обвязывают, так что волосы полностью прикрыты получаются.

Удачно, что она со мной. Дорога малолюдная, если бы в город вошел одинокий головорез, у стражников он интерес вызвал бы. Еще и внешностью я от местных мужчин отличаюсь. Вопросы задавали бы, запомнили бы меня. А так – я пояс с мечом и кинжалом в узел с вещами запихнул, чтобы оружие в глаза не бросалось, и получилось, что идет по своим делам горожанин с женой и вещами.

В город вошли без помех. Паспортов и ограничений на свободное передвижение крестьян тут еще не придумали. Стражники на воротах просто присматривали за порядком и

собирали плату с владельцев лошадей и ослов – за то, что те на мостовых навоз оставляют.

5. Знакомство с Билоном

Билон – крупный город, тут тысяч триста населения, а может и все пятьсот. Порт оживленный, много ремесленников и торговцев. Хорошее богатое место. Правда, в богатых местах пришлым тяжело обживаться, все дорого, жилья свободного мало. Но и возможностей заработать хватает, особенно если навыки и моральные принципы позволяют грабить или торговать телом.

Город располагается на склонах, спускающихся с холмистого плато к полукруглой гавани. Соответственно, и застройка в нем, как обычно в горной местности, оказалась плотной и хаотичной. Улочки следовали изгибам склонов, серпантинном спускаясь к порту. Все они были вымощены камнем. Кое-где по склонам проходили узкие лестницы, позволяющие пешеходам спускаться вниз напрямик, срезая петли извивающихся дорог. Дома стояли уступами, нависая друг над другом. Многие имели неровную этажность: внизу по склону два этажа, а выше – второй этаж становится первым.

Мы направились ближе к рынку и порту, обходя по окраине города самые богатые районы. В богатых можно на магов наткнуться. Хотя у меня защитный амулет скрывает свечение энергии, но если маг присмотрится, он узнает во мне

коллегу. И вот тогда возникнут вопросы, потому что если я некромант, то должен и выглядеть, как некромант, а не как наемник. Плащ короткий некромантский должен носить, перстень дворянский. Впрочем, если специально искать не станут и внимания не привлекать, то маги мой дар при работающем амулете вряд ли заметят.

– погоди, господин мой, – Поля остановилась и отошла в узкий проулок.

Там она попросила меня сложить и придержать ее косы и перевязала свою головную накидку по-вдовьи. Это она правильно сделала, мы же искать жилье будем, с людьми говорить, представлять ее как вдову. Вот она и будет выглядеть, как вдова. К тому же плотно обвязанная накидка скрыла ее приметные волосы цвета меди.

– Пока так, по-крестьянски завязала, – засмушалась женщина. – Жилье найдем, я пуговички пришью, красиво, по-городскому, буду носить.

Я сделал ей комплимент, что она и так хороша. Она покраснела от удовольствия.

Ее преображение и меня навело на мысль. Я решил избавиться от бороды. На Земле никогда не носил ее, и тут смысла носить не вижу. Заодно внешность изменю.

Сначала хотел зайти к цирюльнику, но потом увидел вывеску ведьмы и придумал лучший вариант.

– Поля, сейчас ты пойдешь к ведьме. Там купишь амулет

от зачатия. А еще – зелье, которым дворянки волосы с тела убирают. Два флакона.

– Неужто я так волосата, что одного не хватит? – смутилась женщина.

Я посмотрел на нее и решил:

– Тогда три флакона.

Заинтригованная Поля ушла в лавку ведьмы, а я остался ждать ее в переулке.

Сам соваться к ведьме я не стал. Эти дамы некромантов спинным мозгом чувствуют, от них амулет не скроет.

У нас в отряде была своя ведьма, такая же отмороженная, как и остальные члены отряда. Так вот, сколько раз замечал – стоим где-то, разговариваем, вдруг она головой вертеть по сторонам начинает. Обычно после этого поблизости сразу некромант появляется. А уж при разговоре с сильным магом смерти даже со стороны видно – ведьма глазками блестит, румянец у нее, улыбка блудливая, и грудь вздымается.

Бывало, поговорит она так с некромантом, попрощается, а я сразу после подхожу к ней, за полужопие прихвачу рукой. Ведьма глянет на меня, вздохнет грустно и меня в свою палатку зовет – напряжение сбросить. Хороша она в постели была, не то, что крестьянки...

В последнем бою, когда меня в плен взяли, соседний с нами отряд побежал, и аквитанские наемники нам в тыл зашли. Первыми на их пути наша ведьма с ранеными бойцами ока-

зались. Зарубили ее, так рубили, что кольчугу у нее на спине в лохмотья порвали. Но и она успела десятка два врагов извести, аквитанцы по земле катались, свои легкие с кровью выкашливали. Жаль ее.

После того, как Поля вышла с покупками, мы отошли в переулок подальше, чтобы внимания не привлекать, и стали удалять мне бороду и усы.

Применение у зелья несложное – надо мягкой тряпицей смочить волосы, подождать, пока у них корни отомрут и усохнут, и удалить их, выщипать или тупым ножом поскрести.

На словах просто, а на практике я измучился, пока Поля выдергивала мои усы, там кожа нежная, а волосы в коже держались хоть и непрочно, но всё-таки выдирались с болью.

Но оно того стоило, я считаю, – одна процедура, и проблема бриться решена навсегда.

Потом я умылся у акведука, охладил воспаленную кожу, и дальше пошли.

Приближался вечер. Надо было срочно найти место для ночлега. Мы просто сняли на ночь комнату на постоялом дворе с трактиром, недалеко от рынка. Искать другие варианты времени не было.

Место выбрали недорогое. Там останавливались небогатые купцы, наемники, матросы с кораблей, стоявших в пор-

ту. Личности, в основном, шумные, склонные к пьянству и насилию. Я раньше часто ночевал в таких заведениях и не сразу сообразил, что теперь такой выбор – ошибка. Я в этой среде смотрелся органично, особенно после того, как надел пояс с кинжалом. А вот Поля привлекала нездоровое внимание.

– Одна из комнаты не выходи, – предупредил я ее, заметив взгляды, которыми провожали женщину посетители обеденного зала.

Трактирщик почуял во мне угрозу, лебезил передо мной. Они такие, чувствительные. Богатый жизненный опыт помогает им сходу понять, кого надо бояться, а кого можно обмануть.

Номера располагались на втором этаже.

Я оплатил самую дорогую комнату, с широкой кроватью. Был бы один и налегке, взял бы койку в общей зале, но спать там с женщиной, рядом с другими постояльцами, было бы неудобно. Тем более, я ее сестрой представлять собирался, а сестер драть как-то не то, чтобы совсем не принято, но не приветствуется. Да и вещи было бы в общей комнате страшно оставлять, тут народ всякий бывает.

В нашем номере, кроме кровати, оказался стол, пара табуретов и сундук. Места свободного почти нет, комната маленькая. Стены оштукатуренные, из кирпича, беленые известью. Под закопченным пламенем свечей потолком – массивная деревянная балка. Дверь из толстых досок, с запором

и замком. Кровать большая и прочная. Под кроватью – таз, ночная ваза и кувшин. В общем, не дворец, но временно пожить тут можно.

Мы умылись с дороги, ночной вазой попользовались, выплеснули грязную воду за окно.

– Идем вниз, горячего хочется поесть, – решил я.

Поля была смущена незнакомой обстановкой и людьми, которые на нее пялились, она все время жалась ко мне. Мы заняли стол в углу, попросили у разносчицы кашу с мясной обжаркой, сыр и чай. Для фруктов был не сезон, а жаль – на южном побережье они хороши. Только ради них стоило перебраться сюда из горных баронств. Ради них, вина и женщин.

В зале было много людей.

Больше всего шумела одна большая компания, которая сидела за двумя сдвинутыми вместе столами и начинала попойку. Судя по количеству еды и кувшинов с вином, настроены они были серьезно.

За некоторыми столами находились постояльцы, которые вышли поужинать. Такие обычно пьют немного, и проблемы от них бывают нечасто. Для них остановка в трактире – это не развлечение, а очередной день в их обычной жизни. Рядом с некоторыми уже пристроились девицы развратного вида, готовые составить мужчинам компанию на ужин и скрасить им ночь.

За отдельным столом сидели две помятые девицы, которые еще не нашли себе клиентов на этот вечер.

Большинство посетителей спокойно ели и пили местное вино.

Полетта выделялась на общем фоне своей молодостью и свежестью, привлекала интерес. Еще и ее испуганные взгляды притягивали определенную категорию самцов.

– Мастер, одолжи свою бабу ненадолго, – на свободный стул за нашим столом плюхнулась крупная туша, слегка пьяная.

Я поднял взгляд на этого слабоумного.

– Почему ты решил, что я подкладываю свою женщину под таких, как ты? Ты меня оскорбить хотел? Я и за меньшее людям кишки на шею наматывал, – спокойным голосом предупредил я его.

– Ты знаешь, кто я? – начал заводится собеседник.

Сзади к нему подошли два его собутыльники, группа поддержки.

Судя по всему, это были какие-то местные бандиты, возмнившие себя силой.

Я вытащил под столом кинжал из ножен, наклонился и аккуратно ткнул кончиком в бок собеседника.

– Ты будущий труп, если сейчас не уйдешь от моего стола.

Бандит заткнулся. Если бы он был настолько тупым, чтобы игнорировать кинжал у ребер, он был бы уже давно мертв. А он жив. Значит – способен к мирному сосуществованию с

теми, с кем ссориться опасно. Со мной – опасно.

Я смотрел в глаза собеседнику и ждал. Тот побледнел, помолчал, потом сдал назад:

– Ну, нет – так нет.

Встал и ушел. И своих подручных забрал. Я убрал кинжал.

В комнате мы быстро завалились в кровать. Испуганная Поля жалась ко мне в поисках защиты. Мне были приятны ее страх и трогательная слабость. Я брал ее не как захватчик, а как законный хозяин, и это придавало обладанию новый вкус.

Когда мы закончили, женщина тихо засопела, прижимаясь ко мне. А мне не спалось.

За дверью комнаты слышались голоса других жильцов. Часть из них переместилась из столового зала в номера, слышалось пьяное женское хихиканье, потом – размеренные шлепки и оханье. С первого этажа доносились пьяные громкие разговоры. Звукоизоляция была никакая.

Я, наконец, задремал, потом проснулся. Меня разбудили громкие крики. Вечеринка внизу подошла к той стадии, когда пьяных тянет на подвиги. Скоро я услышал, что разговоры приближаются. Большая компания с громким топотом поднялась на второй этаж и двинулась по коридору в наш конец. Это меня не удивило – я догадывался, что по мере опьянения бандиты, с которыми у меня была стычка, забудут осторожность и захотят наказать меня и заполучить Полю.

Окончательное подтверждение я получил, когда зазвенели ключи и дверной замок провернулся. Они не просто пришли, они узнали у трактирщика, в каком мы номере, и взяли его ключи. Дверь дернулась, но ее удержал задвинутый запор.

– Эй, ты, пришлый, открывай! – послышался голос того громилы, с которым я поцапался.

Я надел сапоги. Защита ног – это важно, если драться босиком, даже неудачно разбитая на полу тарелка может решить исход поединка.

Меч и кинжал с тихим шорохом покинули ножны.

– Открывай сам, иначе хуже будет! – дверь тряслась под ударами кулака.

Я успокаивающе погладил сжавшуюся под одеялом женщину и подошел к двери.

Концом меча отодвинул засов и толкнул ее. Чья-то рука распахнула дверь настежь.

– Ну, открыл. И чё?

Перед дверным проемом замерли трое громил. Еще кто-то стоял сбоку, в узком коридоре не хватало места, чтобы все желающие подошли к двери.

Главарь стоял прямо напротив меня. Он оторопел от моего вида.

На мне была надета только короткая нижняя рубаха, из-под которой выглядывает конец члена. Были еще сапоги на волосатых ногах. В руках – меч и кинжал, направленные в

сторону противника. Кинжал на уровне живота, меч приподнят чуть выше – он у меня с утяжеленным концом, лучше для рубящих ударов подходит.

Громилы выхватили свои кинжалы.

– Отдавай девку, и разойдемся, – предложил главарь.

– Войди и возьми, – спокойно ответил я.

Положение патовое.

Войти в узкий дверной проем – самоубийство. Первого я зарублю точно. На самом деле я, скорее всего, сильно превосхожу во владении оружием всех в этой компашке. Так что в дверном проеме я не только первого положу, а вообще всех.

Если я попытаюсь выйти в коридор, потеряю свое преимущество, там меня телами завалят. Я половину банды порежу, но и мне достанется.

Главное, если будет драка с трупами, то позовут стражу. А это мне не нужно. Им тоже не нужно, но они могут уйти, а мне идти некуда.

Парень, стоящий около главаря, что-то шепнул ему на ухо. Парень этот, похоже, бывал солдатом – кинжал держит правильно, а не как гопник, и стойка у него тоже правильная, устойчивая, с прямой спиной. Значит, к доспеху привык.

Главарь задумался. Вперед идти – он не самоубийца. Своих людей вперед послать – вроде как урон репутации. Тут даже бароны на острие атаки ходят, иначе – кто тебя слушать станет? Если ты не самый сильный боец, недолго тебе ру-

ководить людьми, тут принцип «винтовка рождает власть» действует в самой прямой и фатальной форме.

– Мастера, мастера, не надо ссориться, – откуда-то сбоку послышался голос трактирщика.

Я жду. Сейчас всё решится. Либо они попытаются найти древковое оружие или что-то из подручных средств, что поможет им без потерь оттеснить меня от двери, и тогда начнут бой. Либо – пойдут на попятный.

– Слушай, давай я тебе заплачу за твою девку? – главарь выбрал вариант со снижением градуса агрессии.

Видно, не настолько он опытен, чтобы догадаться использовать в бою метание табуретов или кухонной утвари.

– Не интересуется.

– Ты ведь не сможешь постоянно в комнате сидеть, всё равно выйдешь.

– Вот как выйду, так и подходи. Я тебе первому брюхо вскрою, а потом и остальным.

– Я тебя достану, пришлый. И девку твою себе заберу, – главарь угрожающе потыкал в меня толстым пальцем. – Всей бандой будем драться, пока не сдохнет!

Напоследок он громко стукнул дверью. Дверь отлетела от порога и со скрипом приоткрылась, в щель я увидел, как вся толпа уходит.

Когда шаги стихли на лестнице, я осторожно выглянул. Рядом с дверью мялся трактирщик.

– Мастер, ты на меня зла не держи. Не мог я им отказать.

– Утром расскажешь мне, кто они и где их искать, понял?

– Да, мастер.

– А сейчас иди, я спать хочу.

Мы с Полеттой были взбудоражены этой стычкой. Женщина опять испуганно жалась ко мне. А мне нравилось, что она жметя, я ее немного потискал за мягкие части тела, поцеловал жарко, а потом отодрал, выплескивая свою агрессию. Со стуком кровати, со шлепками и стонами. Только после этого мы успокоились и, наконец, заснули.

6. Диверсия

Утром, открыв ставни, я постоял перед неостекленным окном, осматривая пейзаж.

Трактир имел свой небольшой хозяйственный двор, ограниченный двумя надежными каменными стенами, идущими поперек склона.

Правая стена была высокой, в три человеческих роста. Левая, если смотреть на нее с нашей стороны, – парапет примерно по пояс. Соседний двор за ней находился намного ниже нашего уровня, я только верхушки деревьев видел, так что если смотреть с той стороны – стена была такой же высокой, как правая.

Когда строился трактир, сначала возвели нижнюю, левую, стену. Потом выровняли площадку: сверху по склону грунт срезали, внизу, вдоль стены, засыпали. Потом выстроили верхнюю, правую, стену, чтобы отвесный, после подрезки, склон не обвалился. На получившейся ровной плоской террасе построили трактир и флигель с номерами, конюшню, сарай. Деревья посадили фруктовые и пару кустов винограда.

А затем пришел новый сосед, нарастил правую стену и выравнивал площадку выше по склону – для своего двора. Так город в этом районе и разрастался, террасами. Поэтому здесь застройка идет узкими уступами плоских двориков, ограни-

ченных каменными стенами.

Живут тут люди деловые – торговцы, ремесленники, те, кому нужно место для складов, мастерских или конюшни. Или, вот, для трактира с номерами для жильцов.

Меня окрестности интересовали с практической точки зрения. Мне нужна возможность незаметно выбраться с постоянного двора. При острой необходимости было бы несложно спуститься по веревке в соседний двор и так, дворами, перебраться на другую улицу, идущую поперек склона. Но это только при острой необходимости – в каком-то из дворов можно напороться на собак, например. И Полетту так вывести сложно, и вещи не утащишь. Но иметь путь отхода на крайний случай – лучше, чем не иметь.

За завтраком я подозвал трактирщика за наш стол.

– Рассказывай, что за люди вчера к нам цеплялись.

Трактирщик печально вздохнул всем своим толстым брюхом.

– Мастер, вы бы уходили в другое место, а? Мне неприятности не нужны.

– Ты, мастер, даже не представляешь, какие у тебя будут неприятности, если я обижусь и действительно уйду. Рассказывай, что за люди.

Толстяк еще раз вздохнул и начал отвечать на вопрос.

– Сам я свечку не держал и в суде показаний не дам, но говорят, это банда угонщиков скота. Как понимаешь, так-то

они не убийцы, но в их деле всякое бывает, могут и покалечить, и зарезать, если так кости лягут.

Угонщики скота – это серьезно. Серьезно не тем, что они какие-то особенно жестокие разбойники, по сравнению со мной они – пушистые кролики. Их опасность в том, что они действуют большими группами, и связей у них много, в том числе и среди купцов, и в страже, и даже среди городских чиновников.

Сам я не сильно знаком с этим видом воровства, в горах он отсутствует. Там люди простые и все при оружии, если кто-то попытается стадо угнать, соседи соберутся, по следам угонщиков обязательно найдут и вырежут всех причастных. Или барона с дружиной позовут, и тот найдет и вырежет. В общем, кто-то обязательно вырежет воров.

Прожив несколько лет в Южной марке, всякие рассказы о местной преступности я всё же слышал.

Угонщики часто организуются в крупные банды. Большое стадо перегоняют не в одиночку, ковбои нужны, потом скот где-то передерживать надо, значит, ферма у них есть за городом, потом надо провести украденный скот через ворота в город, стражников подмазать, чтобы вопросы не задавали. На рынке торговцы знакомые нужны – быстро продать. В муниципалитете тоже знакомства нужны среди мелких чиновников. Так что связей у них много. При этом как боевая сила угонщики уступают тем же пиратам, которые, бывает, и города небольшие захватывают. Уступают, потому что ско-

токрады вербуют своих ковбоев из крестьян, воины они никакие. Сражаться им незачем, обычно они скот воруют, а не в боях захватывают.

– Почему они к тебе пришли?

– Иногда приходят, отпраздновать, выпить, девок взять. Живут они рядом.

– Где?

Трактирщик вздохнул.

– Чуть выше по улице, там дорога поворот делает, их двор там стоит. Большой дом, трехэтажный, этажи уступами по склону поднимаются. И ворота рядом с домом дощатые, желтым цветом покрашены. Не ошибешься.

– Внутри там был?

– Нет, зачем мне. Они для меня просто клиенты, беспокойные, но денежные. Свиней иногда продавали мне дешево, но это редко, свиньями они обычно не занимаются.

Больше ничего интересного трактирщик не рассказал. Перед прощанием я у него забрал запасной ключ от нашей комнаты – не понравилось мне, что он в наше отсутствие может зайти или пустить бандитов.

Пока мы пили чай и ели свежие несладкие булочки, я задумался о том, чего ожидать от скотокрадов.

Их главарь по глупости загнал себя в положение, из которого хорошего выхода нет. Он на глазах подчиненных обещал меня наказать и женщину мою отобрать. Если он этого

не исполнит, потеряет лицо.

Я ему Полетту отдать не могу. Может, через неделю я ее сам брошу, но сейчас у нас вроде договора – она меня улаживает и обслуживает, я ее защищаю. И именно сейчас эта защита ей нужна. Что бы о таких, как я, ни говорили, свои принципы у нас есть. И один из главных – выполнять договоры и не предавать своих. Наемники, конечно, не аристократы, которые честью рода за свои поступки отвечают, но и у нас есть стимул держать слово: сегодня ты обманул своих, завтра они тебя за это повесят.

Так что ни одна из сторон конфликта на уступки пойти не может.

Что они предпримут?

Скотокрады по натуре не убийцы. Это не дворяне, которые с детства учатся людей резать, не солдаты, привычные к крови. От воров скорее надо ждать, что поймают меня на улице, навалятся всем скопом с дубьем и избьют до полусмерти, чтобы я потом неделю кровью мочился. Тем более, они не знают, что я беглый раб и за мое убийство копеечную виру назначат, думают – я горожанин, за убийство которого можно и головы лишиться.

А Полю после моего избиения уведут, потешатся с ней, потом выгонят. Может, еще запугают или денег дадут, чтобы жаловаться не пошла. Мало кто из женщин в суд свой позор понесет. А если и пойдет – не знаю, как местный судья наказывает за насилие над женщиной, но скорее всего можно

виroy откупиться. Деньги у скотокрадов есть.

Если бы я был простым городским парнем, так бы и случилось.

Но они уже понимают, что я умею и буду убивать. Для меня это будет самозащита, я в своем праве, такое убийство ненаказуемо. Рискнут они сразу валить меня наглухо? Один из них вроде кинжал держать в руках умеет, может в толпе подойти и ударить со спины. Ну, или всем скопом с дубинками навалятся, но бить будут уже насмерть. Но ведь тогда их найдут, за убийство откупиться не получится. Головы отрубят. Нет, не настолько они безумны.

Вот если мой труп исчезнет, и никто в стражу заявлять не станет – тогда да, тогда имеет смысл убивать. И это единственный для них приемлемый вариант.

Как же они не вовремя появились...

– Господин мой, я боюсь, – Поля не выдержала моего долгого молчания.

– Ничего, радость моя, я что-нибудь придумаю. Вот прямо сейчас и думаю.

– Ты же не отдашь меня им?

– Не бойся, не отдам. Сам тебя буду драть.

Поля не смогла сдержать довольную улыбку.

После завтрака мы вернулись в номер.

Лучше всего было бы просто сбежать из города. Бежать всё равно придется, и как можно скорее, – меня же еще

разыскивают за бегство из подвала академии и убийства.

Но всё не так просто. Перед тем как подниматься в комнату, я подошел к двери трактира, осмотрел улицу. И заметил пару подозрительных подростков, которые сидели под забором около трактира и бездельничали. Очень они были похожи на наблюдателей. Если я выйду, один пойдет следить за мной, второй позовет взрослых бандитов. Даже если мы просто пойдем куда-то в город, нас могут перехватить на малолюдной улице. Возьмут повозку, человек пять с дубинками, меня оглушат, женщине кинжал к горлу, мешок на голову, в повозку – и больше меня никто никогда не увидит. Может и Полетту где-то во дворе прикопают после того, как она им надоест. А если мы попытаемся из города уйти, еще хуже – за городом нас легко перехватить, отволочь на ферму, где они скот передерживают, и там... Там нас точно ничего хорошего не ждет.

Лучше самому нападать.

Но нападать надо так, чтобы свидетелей не было. Ночью. Вломиться к ним прямо домой.

В пользу такого варианта есть еще один довод: у нас слишком мало денег, чтобы устроиться на новом месте после бегства из Билона, а скотокрады – люди зажиточные, наверняка у них золотишко в доме припрятано. Если их убить, главаря допросить, и захоронки его присвоить – получится очень прибыльная и справедливая операция. Я из земной истории помню: грабить награбленное – это хорошо и правильно.

Интересно, смогу я использовать свой некромантский дар при этом? В подвале получилось убить человека. Значит, ночью, в темноте, должно получиться. Хорошо бы.

Правда, убийства с использованием магии всегда расследуются. Но если тел не оставлять, тогда и расследования не будет.

– Сегодня никуда выходить не будем. Опасно.

– Как же нам быть? – испугалась Поля.

– Не волнуйся, я разберусь.

Мы весь день отдыхали. Я научил Полю делать массаж. Сначала ей сделал, потом она на мне практиковалась. Я не удержался, конечно, от массажа к сексу перешел. Дважды.

Развлечения не помешали мне в общих чертах продумать план нападения на банду.

Я открыл ставни на окне примерно за полчаса до полуночи.

Посетители трактира давно разошлись, постояльцы спят, на улицах никого в это время уже не должно быть. В полночь начнется магическая очистка улиц города, из бассейнов и акведуков польется вода и резвыми водоворотами начнет мыть мостовые, утаскивая в сточные канавы мусор, помои и дермо, выплеснутые за день из окон горожан. Еще лошадиный и ослиный навоз. Если кто-то в это время окажется на улице – он промочит ноги и его окатит грязными брызгами до ушей. Кому это понравится? Так что с улиц прохожие стараются

обратиться заранее, чтобы с гарантией успеть до их помывки.

Я сел на подоконник, поцеловал на прощанье Полю, перекинул ноги наружу и прыгнул во двор. Хотя и второй этаж, но высота была терпимой, я не только не боялся повредить ноги, даже не сильно нашумел. Только пяткам больно стало, когда они ударились о землю.

Поля сразу закрыла ставни. Ей я приказал ни при каких обстоятельствах не отпирать дверь комнаты до моего возвращения.

Во дворе трактира никого не было. На кухне, судя по стуку посуды за закрытой ставней, заканчивала свои дела служанка. Я обошел дом. Забрался на парапет, отделяющий двор от соседнего, с него – на гребень двухметровой стены между двором и улицей. Огляделся. Никого. Спрыгнул наружу.

Плохо, что я не смог провести разведку днем, при свете, но делать нечего – придется как-то по ситуации действовать.

Несмотря на много лет войн, опыта ночных операций я не имел. Конечно, горские парни с детства готовятся к войне, поэтому нас так ценят наниматели. Не так упорно, как дворянские дети, но тренировался я регулярно. Только упор у нас делается на пехотный бой в строю, бой малыми группами, сражение в доспехах. Даже в одиночных поединках мы сильно уступаем дворянам, не говоря уж о конном бое.

С диверсиями у нас совсем плохо. Учителя нам показывали, как можно быстро и тихо убить часового или человека без доспеха. Говорили о том, чем отличаются ночные бои.

Объясняли, как можно проникнуть под покровом темноты в крепость. Но это скорее для общего развития, а на практике я с этим, за семь лет в наемниках, ни разу не сталкивался. И вот теперь – приходится.

Впрочем, и задача у меня не самая сложная. Мои противники – всего лишь банда воров, спокойно спящая в обычном доме, не ожидая нападения.

Даже в этом случае, если бы я надеялся только на свое владение оружием, я бы обязательно на шумел, и тихой ликвидации не получилось бы. Поэтому я решил сделать ставку на свой дар некроманта.

Я быстро добежал до поворота улицы, там, как и говорил трактирщик, увидел большой дом. Его этажи на ползали друг на друга не полностью, дом тремя уступами поднимался по склону. Дальний от меня край здания примыкал к крутому скалистому утесу. Из-за этого утеса улица и делала поворот, огибая его. На въезде во двор дома присутствовали желтые ворота, указанные как примета.

Я рассмотрел строение подробнее.

Первый этаж с левого, нижнего по склону, края стоял на высоком фундаменте. Вправо фундамент постепенно понижался, пока не сходил на нет, в этом месте был сделан главный вход. А дальше этаж заканчивался, и его стены переходили в фундамент второго этажа.

Левая половина второго этажа была надстроена над пер-

вым, доходя до его середины, а правая опиралась на собственный фундамент. Правая оконечность второго этажа сравнивалась с уровнем улицы, там даже был сделан еще один вход в дом. Сбоку стены здания сращивались со склоном утеса.

Третий этаж был короче второго, почти полностью лежал на нем, только самым краем заходя на крутой, в этом месте, склон.

Если планировка дома соответствует обычаям, на первом этаже кухня, столовая и большой зал, на втором – покои и комнаты для хозяев, его семьи и гостей, на третьем – для слуг.

Ломиться в дом через наружные двери я не стал.

Вместо этого взобрался на утес, к которому прижимался край дома. Скала оказалась крутой, но для горского парня, который еще мальчишкой лазил и по более опасным склонам, никакой сложности не представляла. Я влез почти до уровня крыши и подобрался ближе к дому.

У меня был выбор – либо проковырять соломенную крышу и проникнуть в дом через чердак, либо – открыть ставни на ближайшем окне третьего этажа, до которого я мог дотянуться со склона. Разворошив кинжалом солому, я убедился, что жерди на крыше закреплены слишком часто, я между ними не пролезу, придется их отрывать. Это долго и шумно. Значит – ставня. Если и с ней не получится – можно обойти дом, спуститься во двор и там поискать способ проникнуть

внутри.

Я прислушался. В комнате за ставнями было темно и тихо. Остановился, чтобы дождаться начала мойки улиц. Ее шум скроет стук, шаги и любой другой шум, который я устрою. Наконец, на мостовой зажурчала вода.

Я чуть нажал на ставни. Через образовавшуюся щель увидел – они заперты изнутри на обычный крючок. Просунув в щель лезвие кинжала, я приподнял его. Створки распахнулись.

В комнате по-прежнему было тихо и темно. Я влез в окно. Теперь мне приходилось двигаться очень осторожно, потому что скрип половиц или шаги слышали бы люди, находящиеся подо мной, на втором этаже.

Эта комната, судя по всему, давно не использовалась. Тут стояло несколько сундуков, висели какие-то вещи на колышках, вбитых в стену. Признаков недавнего проживания людей я не заметил.

Вот и славно, я внутри дома и проник сюда без шума.

Я приоткрыл дверь и выглянул в коридор. И тут же понял, что из-за неопытности забыл о важном. Комната, куда я проник, освещалась через окно мутным светом двух лун, который пробивался через облака. А вот в коридоре было абсолютно темно. Вот совсем-совсем. И только в дальнем его конце было окно, закрытое ставнем, щели в котором подсвечивались лунами.

Фонаря у меня не было. Свечи можно было бы поискать в комнате, но источника огня тоже не было. Я запаниковал, но потом вспомнил, как передвигался в полной темноте в подвале академии. Способность видеть в темноте свечение *энергии* людей даже даст мне преимущество. Так почему бы не попробовать действовать на ощупь и сейчас?

Я осторожно выбрался в коридор. Напротив была еще одна комната. Вообще, эта часть дома представляла собой коридор с небольшими комнатами по обе стороны. Заглянул в противоположную дверь. Никого нет, окно закрыто ставнем, темно. Шарить по комнате с риском, что я споткнусь о какой-нибудь сундук или мои шаги услышат снизу, – не стоило.

Кстати, знание о том, насколько хорошо слышно с первого этажа любое движение на деревянных перекрытиях, принадлежит не мне-местному, а мне-земному. Как-то я на пару недель съездил к Черному морю отдохнуть, там снял у какой-то тетки чердак в домике с деревянными перекрытиями. И в первую же ночь привел из пляжного ночного клуба девчонку. А утром по требованию всех жителей первого этажа меня выселили, потому что мы задорным скрипом всех разбудили среди ночи и долго мешали им спать...

Я отмахнулся от несвоевременного воспоминания и осторожно двинулся вдоль коридора, нащупывая дверные проемы и заглядывая в комнаты. Иногда половицы или дверные петли поскрипывали, но эти звуки терялись на фоне плеска воды, доносящегося с улицы. Там продолжалась мойка мо-

стовой.

В первых проверенных комнатах людей не оказалось. Не удивительно – я начал обход с самой дальней части дома.

Когда я подошел к пятой по счету двери, случился приятный сюрприз. Я прямо через дощатую дверь увидел свечение *энергии* нескольких людей. Через каменные стены не видел, а через доски – почти так же ясно, как без преграды. Получается, я могу обнаружить и убить людей, не открывая дверь, а это сильно упрощает мою задачу.

Судя по расположению огоньков, в комнате была семья, спящая на широкой общей кровати. Скорее всего – какие-нибудь слуги самого низкого положения, потому что им отвели комнату на верхнем этаже, далеко от главных помещений.

Пора было испытать свою способность убивать.

Я воспроизвел мысленный жест, как бы отмахиваясь от огоньков. Они погасли. Вот так вот просто.

Потому простые люди боятся и немножко ненавидят некромантов. Хотя случаев убийств в мирное время с их стороны почти не бывает, но одно наличие такой способности пугает. Потому Гильдия некромантов так тщательно расследует магические преступления – если дать слабину, любой случай приведет к панике и кончится убийствами некромантов и массовыми жертвами среди простаков.

Я осторожно открыл дверь, протяжно заскрипевшую пет-

лями. В комнате горела лампадка, слегка подсвечивавшая угол комнаты и кровать. В постели, как и ожидалось, оказалась семья. Супружеская пара, женщине лет тридцать, мужчина постарше. Шестеро детей, старшие – уже подростки, младшему года три. самого старшего из детей я узнал – он был одним из наблюдателей, которые сторожили меня около постоянного двора. Лицо второго наблюдателя я не запомнил, так что не уверен, может, и он тут лежал. Все оказались мертвы. На внешнем виде это не сказалось, они как будто спокойно спали. Я для надежности проверил у всех пульс.

Жалко ли мне их было? Нет, я не испытывал никаких эмоций. Просто еще несколько трупов. Сколько их я уже видел...

Вообще, в местных войнах при захвате городов женщин и детей гибнет не так уж много. Даже резня самых оголтелых наемников по количеству жертв не идет ни в какое сравнение с заурядным артиллерийским обстрелом в земной войне. Другой вопрос, у войны есть спутники – голод и эпидемии. И вот от них дети умирают массово. Иногда в осажденном городе десятками тысяч гибнут.

Приходилось ли мне убивать женщин? Да. Неоднократно. И пытаться – тоже. Детей? Нет. Те, кто развлекаются мучениями и убийством детей, обычно по-настоящему больны на голову. Время от времени такие новички приходили к нам в отряд, но всегда быстро гибли. Иногда в бою, а иногда и свои им глотки резали – если у человека плохо с головой, то

он рано или поздно нарвется, такова его природа. Я к таким психопатам не относился, потому и выжил в течение семи кампаний.

Так что до сих пор я детей не убивал, но сейчас отнесся к этому спокойно. Если уж я решил, что нужно, ради сохранения тишины, уничтожить всех в этом доме – жалеть никого не стану. «Сопутствующие потери» – так это политкорректно называется у земных военных. Вот так сопутствующие потери на практике и выглядят – мертвые тела детей, которые просто спали на своей кровати.

Я не стал брать с собой горящую лампаду, просто оставил дверь комнаты открытой. Так в коридор попадает достаточно света, чтобы не споткнуться о сундук, стоящий у стены, и в то же время свет не мешает мне видеть *энергию*.

Продолжил осмотр.

Комната напротив оказалась пустой.

А вот в соседней – спал человек. Один. Его я тоже убил. Зашел, проверил. Мужчина, пожилой, слуга, по всей видимости.

На этом комнаты третьего этажа закончились. Дальше располагалась лестница вниз.

Я медленно спустился, стараясь ставить ноги у стены, чтобы ступени не так громко скрипели.

Второй этаж был самым длинным. Тут оказалось двена-

дцать спален и трехкомнатные покои хозяина.

Я оставил покои хозяина на потом и направился от лестницы в дальний конец коридора. Двигаться опять приходилось в полной темноте, так что шел я осторожно, на ощупь.

Подходя к очередной комнате, я через дверь смотрел, есть ли внутри свечение *энергии*, если было – убивал людей и заходил проверить.

В комнате, примыкающей к покоям хозяина, меня ждала сложность – там находился человек, имеющий защитный амулет, который перед моим магическим взором переливался сполохами, забивая свечение *энергии* человека. Я решил, что это, наверное, тот бандит, который выделялся правильным обращением с оружием. Он стоял рядом с главарем, когда они ко мне в номер ночью ломились. Наверное, какой-то бывший солдат, имеющий амулет еще со времен службы. Так-то обычным ворам амулеты ни к чему, зачем на них деньги тратить?

Эту комнату я пока пропустил.

В шести ближайших спальнях я нашел людей. Мужчины. Молодые или среднего возраста. Кто-то был один, кто-то – с женщиной, может – служанкой, может – шлюхой. Семейных среди них не оказалось. Всех их я убил. Судя тому, что расположились они в гостевых спальнях, это были члены банды, ковбои.

В трех спальнях из тех, где были люди, двери оказались заперты на засов. Туда я проникнуть не пытался, чтобы не

нашуметь. Вероятность, что в комнате оставался кто-то живой, кого я не заметил, была ничтожна.

После проверки всех комнат на этаже остался только человек с амулетом и покои хозяина. Хозяина я хотел взять живым.

Поколебавшись, решил сначала идти к бывшему солдату. Вытащил кинжал и меч, тихо тронул дверь и... и она оказалась заперта.

Ломать? Шумно, главарь проснется и живым его взять станет сложно. Еще сбежит, пока буду драться с солдатом.

Попытаться через щель отодвинуть засов кончиком кинжала? Человек в комнате может услышать мою возню. Опять шум.

Пока я стоял в раздумьях, я заметил, что свечение амулета мигнуло. Потом еще раз. Не сразу сообразил – оно гасло, когда его перекрывал кончик меча. Через металл свечение не проходило.

«Ага!» – обрадовался я.

Прищурил глаз, подвел лезвие меча так, чтобы оно закрывало своим краем свечение амулета. Покрутил немного меч и – да! – когда свечение амулета не мешало, я смог заметить собственную *энергию* человека. Больше того, я увидел свечение от двух людей, спавших в обнимку.

Теперь, когда я видел нужный огонек, я смог погасить его так же легко, как и у человека без защиты.

Ради уверенности я кончиком кинжала через щель между

дверным полотном и косяком поковырял засов, короткими движениями сдвигая его вбок, открыл дверь и зашел в комнату. Внутри нее горела масляная лампа, так что я рассмотрел и парня, который действительно оказался тем самым, о ком я подумал, и молодую и довольно симпатичную девушку рядом с ним. Оба были мертвы.

Я быстро спустился на первый этаж и проверил его. Людей там встретить я не ожидал, и действительно не встретил, но ради уверенности нужно было посмотреть.

В доме не проверенными остались только покои главаря банды. Они оказались заперты, причем на замок.

Недолго думая, я зашел в соседнюю с покоем комнату, подобрал с пола кувшин для подмывания зада и изо всей силы швырнул его в стену, отделяющую комнату от спальни главаря. Глиняный сосуд громко приложился о простенок и разбился, потом еще его осколки шумно осыпались на пол.

Я метнулся обратно в коридор, к двери покоев.

За дверью послышалась возня. Потом она открылась. Знакомый мне громила-главарь стоял в двери в нижней рубашке, со свечой в одной руке и кинжалом в другой. Он не ожидал нападения, просто вышел разобраться, что за шум.

Мой удар оказался для него неожиданным. Я бил мечом, в голову, плашмя. Килограммовая железка с разворота прилетела противнику в лоб, и тот рухнул спиной на пол. Я быстро вошел следом и наступил ему на руку, удерживающую кин-

жал.

– Приветствую. Кинжал брось.

При произнесении этой фразы мой меч уже упирался острием в горло противника, который еще не восстановил способность ориентироваться. Его рука разжалась. Я откинул кинжал в сторону ногой.

Если бы бандит знал, что ему предстоит, может, кинулся бы в свой последний бой. Но люди всегда надеются выжить, поэтому между быстрой смертью и пытками всегда выбирают пытки.

– Перевернись на живот. Руки за спину.

Я накинул на запястья главаря петлю из прочного шнура, подготовленную заранее, и затянул ее. Быстрыми движениями обмотал конец вокруг рук и завязал узел. Теперь он никуда не денется.

Из гостиной я быстро прошел в открытую дверь спальни. На кровати сидела, поджав ноги и прикрываясь одеялом, какая-то красотка средней степени помятости. Она испуганно ахнула при виде меня. Я привычно убил ее магией. В других условиях я, может, сохранил бы ей жизнь на какое-то время, чтобы насладиться ее телом и страхом. Но не сейчас. Сегодня у меня еще много работы, а потом – на постоялом дворе Поля скучает. Ее телом наслажусь.

Больше в покоях никого не обнаружилось. Теперь в доме остались только двое живых – я и пленный главарь.

7. Завершение операции

Следующим этапом операции стал разговор с пленным. Я ведь пришел сюда не просто ради ликвидации опасности, мне еще и ценности экспроприировать надо.

Я разжег камин в гостиной, положил на огонь кочергу и каминные щипцы – греться. Подтащил тело поближе. Ведро воды принес – в сознание приводить, если потеряет. Подушку прихватил из спальни – чтобы было, куда вжать жертву лицом, когда он орать станет. Потому что, хоть окна в хозяйских покоях застеклены витражами, но и через них в ночной тишине соседи могут слышать громкие крики.

Если бы со мной была ведьма, информацию получить оказалось бы намного быстрее и проще. Ткнул бы пару раз кинжалом, чтобы обозначить серьезность намерений. Потом задавал бы вопросы, а ведьма контролировала правдивость ответов. Большинство допрашиваемых пытаются увильнуть или соврать ведьме, но только до первого наказания.

Ведьмы у меня не было. Пришлось идти более длинным путем. На такой случай у «Пестрых собак» имелась до тонкостей отработанная методика, которой я и воспользовался.

Сначала разрезал рубашку на спине надежно связанного главаря. Тот засуетился, уговаривать меня начал.

Я предложил добровольно сдать имеющиеся ценности и деньги.

Он указал, где лежит казна банды и его кошелек на текущие расходы.

Я прижег ему волосатое полужопие кочергой и предложил вспоминать лучше. В воздухе завоняло смоленной курицей.

Пленник указал кошель, лежащий в одном из сундуков. Я оценил сумму и решил, что это деньги на содержание дома и личные потребности.

Прижег пленника еще раз.

Он признался, что есть у него тайник, в камине. Я нашел там кошелек с десятком золотых. По моей оценке этого было мало для основной захоронки главаря удачливой крупной банды.

Прижег еще раз.

Пленник заплакал и выдал тайник в спальне. Хороший тайник, сам бы я не нашел. Там планку в изголовье можно поддеть ножом, а под ней – брус с узкой щелью, куда вставлены еще десять золотых монет.

«Маловато» – решил я, прижигая жертву в очередной раз.

В этот момент пленник сообразил, что чем больше он выдает, тем дольше тянутся его мучения. И пошел в несознанию. Все в какой-то момент это делают, если у них что-то остается. А если не остается – тоже молчат, потому что говорить не о чем.

Этот этап допроса самый неприятный и сложный. Палач должен, не задавая вопросов, долгими, болезненными, но не чрезмерными пытками сломить сопротивление жертвы.

Остатки моей земной личности вяло вздыхали о гуманизме, но предложить другой способ допроса не могли. Пришлось им заткнуться и положиться на местный опыт.

Надо заметить, если бы я попал в руки местного правосудия по обвинению в побеге из академии и убийствах, мой допрос тоже начался бы с пыток. В качестве первого шага судейский палач привязал бы меня к пыточному креслу и сунул мои ноги в «испанский сапог». Это такой станок, в котором ноги от колен до стоп зажимаются между досками, а потом палач ударами молотка забивает между досками клинья, сжимая ноги, пока коленные суставы и голеностопы не расплющит. Ходить после такого человек уже вряд ли сможет, но это не наказание, не казнь, это просто официально принятая методика допроса для преступников из простонародья, которых обвиняют по тяжким статьям.

А если в руки городского правосудия попадет Полетта, ее допрос как свидетельницы начнется с того, что в глотку ей вставят воронку и вольют несколько литров воды. Считается, что распирающая боль в желудке способствует правдивости людей низкого сословия. Ее муж дворянином не был, имел статус слуги, так что допроса с ведьмой она не заслуживает.

В общем, мои действия ничем особенным по местным меркам не были.

Пленник сломался, когда раскаленная кочерга оказалась между его ягодицами. Он захлеб начал убеждать меня в том, что расскажет всё. На этом этапе жертва обычно дей-

ствительно готова рассказывать всё, даже не ради жизни или полного прекращения пыток, а хотя бы ради передышки.

Скотокрад поведал мне, что у него есть ферма за городом, и на этой ферме зарыт горшок с деньгами. Это его резерв на случай бегства из города. Там золото есть, и серебряные рубли, и даже мешочек с мелочью, для удобства расчетов. В сумме – почти полусотня золотых. Неплохая сумма – можно купить сотню скакунов, или две сотни рабочих лошадей, или коров... много коров, а свиней – вообще не считано. Пленник подробно рассказал, где расположена ферма, как найти клад. Я нашел лист пергамента и перо с чернилами, записал всё. Объяснил вору, что если он обманул, будет наказан. Тот утверждал, что говорит правду.

– Ладно, – отложил я в сторону пергамент. – Клад на ферме, это хорошо, потом я его проверю. А пока вспоминай, что у тебя еще спрятано ценного в доме и дворе.

С этими словами я опять прижег пленника. Тот заплакал – он уже совсем было поверил, что я брошу его в подвал и поеду проверять тайник на ферме, а он получит долгую передышку. А передышки нет.

Пленник плакал, но больше ничего не говорил. Тогда я применил последний аргумент. Плеснул на него водой, чтобы он мог нормально соображать, и объяснил:

– Слушай меня внимательно. Я тебя всё равно сейчас убью, так что деньги тебе не понадобятся. Но после этого я срежу с тебя клочок волос, а потом закажу некроманту призыв

твоей души. И допрошу твоего призрака. Соврать или утаить ты ничего не сможешь. Если ты сейчас мне соврал или что-то не указал, твоя душа получит долгие мучения, которые несравнимы с теми, которые ты вынес сейчас. Поэтому последний раз спрашиваю: что еще из ценного ты не указал?

Всё, что я сказал пленнику, было правдой. Другой вопрос – вряд ли я стану нанимать некроманта и допрашивать призрака, мне надо будет быстро бежать из города, не до того. Но ему достаточно угрозы. Потому что деньги мертвым действительно не нужны, семьи, которой он мог бы их оставить, у него нет. Значит, и запираяться нет смысла.

Пленник повыл немного от печали и выдал еще один тайник. Оказалось, под задней стеной конюшни зарыт еще один горшок на случай бегства, с монетами разного достоинства, в сумме – еще около полусотни монет золотом.

Ну вот, теперь, кажется, всё. Я отпустил пленника уколom кинжала под затылок.

Мой улов оказался хорош. Банда скотокрадов была удачливой, действовала уже лет десять, за это время успела угнать и продать сотни лошадей и более дешевых коров. Я на эти деньги смогу и себе хороший дом в крупном городе купить, и Полетту устроить. И обеспечить себя хорошими доспехами и оружием смогу, конечно же.

Я вышел во двор – вырыть горшок, спрятанный у конюшни. Взял с собой свечной фонарь из тонкого кованого желе-

за, чтобы в темноте не блудить.

Свидетелей я не боялся. Если кого-то занесет на улицу ночью, он не увидит меня из-за высокого забора. Сосед, двор которого лежит ниже по склону, тоже не увидит – помешают парапет и перепад высоты. Сосед, двор которого с другой стороны, на утесе, вряд ли станет по ночам выходить во двор, чтобы подглядывать за мной сверху, да и далеко до него – не разглядит ничего.

В сарае нашлась мотыга и лопата. Лопата – это такой инструмент в форме широкого весла, вырубленного вместе с черенком из цельного куска дерева и окованного по краю широкой полосой из тонкой стали. Сталь не заострена, только сплющена на перегибе между верхней и нижней сторонами, так что копать такой лопатой плотный грунт – занятие так себе. Поэтому проще мотыгой рыхлить землю, потом лопатой выбрасывать ее из ямы.

К счастью, копать глубоко не пришлось, горшок с кладом нашелся почти сразу.

Мне сейчас предстояло позаботиться о телах убитых скопцов и домочадцев. Позаботиться – в смысле устранить следы магического воздействия на них. Чтобы если кто-то и затеет следствие, не стал привлекать к делу магов, а если привлекут – чтобы те не смогли определить *родство* магии со мной.

О том, как можно устранить магические следы, мне рас-

сказывала наша отрядная ведьма. Я был дружен с ней. Она со мной не только в постели кувыркалась чаще, чем с другими солдатами, но и поговорить любила.

Я как сейчас помню ее рассказ:

«У любого магического конструктора, не привязанного к материальному предмету, есть определенный срок разрушения.

Вот, скажем, душа человека. Она тоже является своеобразным магическим конструктором. Пока она привязана к телу – она устойчива. После смерти человека, попав на *изнанку*, душа начинает постепенно растворяться. Если ничего не происходит, она полностью растворяется примерно за полгода, но часть памяти теряет еще раньше. Душа может сама прикрепиться к новому телу, к младенцу в чреве женщины. Тогда она, из-за неразвитости мозга младенца, теряет память, но сохраняет себя для новой жизни. Или некромант может вызвать душу призраком и привязать его к материальному предмету. Такой призрак будет существовать, пока предмет привязки цел.

То же самое происходит и с магическими *мыслеформами*, не привязанными к амулету – они постепенно растворяются. И с прочими магическими объектами, важнейшими из которых являются *струны родства*».

Тонкость заключается в том, что в материальном мире скорость разрушения магии зависит от температуры. Стоит нагреть амулет докрасна – и он теряет привязанную к нему

форму. А если сжечь трупы, пусть не до углей, хотя бы просто долго держать их в огне, *струны родства* будут разрушены и следователи не смогут установить связь между трупом и магом-убийцей.

Вот поэтому изначально я планировал сжечь трупы. Запас дров во дворе большой – зима же. Выложил бы погребальный костер, на него трупы перетащил бы, поджег на рассвете и ушел незамеченным к Полетте на постоянный двор.

Такой способ прятать следы хорош тем, что магию точно не обнаружили бы. Но он сразу привлек бы внимание. Большой костер в городе тут же заметят: дома хоть и каменные, но крыши – соломенные, полы и балки перекрытий – деревянные, если полыхнет, от дома останутся только стены. А полыхнуть может – костер дает искры, способные поджечь ближайшие крыши. Так что любой, кто увидит такой большой огонь, решит, что начался пожар, поднимет панику. Люди набегут, во двор полезут, выяснять станут, что происходит. И хоть магические следы не определяют, но трупы обнаружат сразу. Начнут следствие. Я думал, к тому времени, как вызовут стражу и кто-то донесет, что у покойных был конфликт со мной, мы успеем уйти с постоянного двора, но всё-таки риск попасться был бы.

Я обдумывал и другой способ спрятать следы – спрятать тела, так чтобы их долго не нашли, в идеале – не меньше полугода. Чтобы так их спрятать, надо их хоронить, иначе за-

пах выдаст. Захоронить достаточно глубоко два десятка тел – это большая работа, за ночь одному не успеть. Да и могилу потом легко заметить, или по холмику, или когда земля начнет оседать. Потому от захоронения я и отказался вначале.

Осмотр двора и хозяйственных построек навел меня на новую мысль.

Около конюшни обнаружилась большая куча навоза. У банды своих лошадей, которые сейчас стоят в конюшне, десятков – восемь скакунов и две тягловых, а кроме них тут еще и передерживали лошадей и коров перед продажей. Гадить в больших количествах было кому. Обычно хозяева конюшен и ферм осенью или весной раскидывают навоз по саду или по полю, а бандиты, видно, ленились, садоводство их мало интересовало. Они просто сваливали навоз в кучу под склоном утеса, и куча эта приобрела громадные размеры.

Вот под эту кучу я и решил спрятать трупы. Вонь навоза замаскирует трупный запах, так что копать глубоко не придется.

То, что трупов два десятка – не такая уж проблема. Это только кажется, что они много места занимают, а на самом деле при плотной укладке двадцать тел – это всего два кубометра. Плавучесть у человеческого тела почти нейтральная, значит, килограмм человека занимает объем около литра, в среднем тело весит до восьми десятков килограммов. Округляем до ста, умножаем на двадцать – и получаем нужный объем могилы. Два кубометра – это не мало, но за смену

сильный землекоп, если копать неглубоко, сделает.

Обдумал я вот это вот всё, и взялся за мотыгу и лопату.

Времени было достаточно – до рассвета еще несколько часов. С убийствами и допросом я справился быстро, а рассвет зимой наступает поздно.

Копать при свете фонаря оказалось неудобно, конечно. Но если очень надо – то куда деваться. Хорошо, тело мое отличалось выносливостью и силой. Отличное мне тело досталось.

Сначала я перекидал часть навоза, очистив от него полосу вдоль утеса.

Потом начал рыть неглубокую могилу в земле.

Почему нельзя было просто положить трупы и закидать их сверху навозом? Потому что исчезновение хозяев рано или поздно обнаружат. Появятся у дома новые владельцы, они весной захотят раскидать удобрения по саду. И наткнутся на тела, которые еще пригодны для снятия магического следа. А если тела окажутся под землей – их не заметят. Потому надо копать. Вот я и копаю.

Небо начало светлеть, когда общая могила шириной и глубиной в метр была готова.

Я стал перетаскивать тела. Работа была для меня несложной – наклониться, закинуть руку себе на плечо, подхватить под бедро, выпрямиться, втаскивая тело себе на плечи. Потом – идти к могиле. Сложно было только с главарем – он

был крупным и грузным. Я даже подумывал бросить его в доме – его-то я не магией убивал. Но всё же решил – пусть лучше никаких тел не обнаружат при осмотре дома. Такое вот загадочное исчезновение всех жильцов случилось.

Когда тела были плотно уложены, я забросал их сверху землей. Чтобы грунт плотнее лег, притащил несколько ведер воды из бочки около конюшни и пролил могилу водой. Конечно, над могилой все равно образовался высокий холмик, но до весны почвы немного усядется.

Навозом свежую могилу я закидывал уже при свете раннего утра. На улице кричали булочники и молочники, предлагающие свой товар к завтраку. Что меня увидят, я не опасался. Место, где я копался, не просматривалось даже со стороны верхнего соседа, не говоря уж о других направлениях.

Закончив работу, я осмотрел результат. Сначала остался недоволен. Принес метлу и разворошил прошлогоднюю траву, устраняя протоптанную мной дорожку. Теперь следы работ в глаза не бросались. А если пойдет дождь и почва размокнет – их совсем скроет.

Вот и всё. Дело сделано.

Осталось привести в порядок одежду, чтобы не заметили, что я полночи работал землекопом, и можно уходить.

Перед выходом на улицу я осторожно приоткрыл ставни и проверил – нет ли людей. Булочники и молочники уже ушли, служанки за водой ходить еще не начали. Прохожих на улице не оказалось.

Я запер на ключ дверь дома и спокойно ушел на постоянный двор.

Награбленные деньги я, конечно же, унес с собой.

8. Препятствия для бегства

Когда я вернулся на постоялый двор, первые постояльцы спустились на завтрак. Голос трактирщика слышался со стороны кухни. В столовом зале только подавальщица разносила утренние заказы, она не обратила на меня внимания – пришел и пришел.

Я поднялся к нашей комнате, постучался, голос подал. Полетта мне открыла, на шею бросилась. Переволновалась за ночь.

– Всё хорошо. Опасности больше нет, и денег я добыл.

– Тебе отдохнуть надо?

– Сначала завтрак, потом по городу пройтись бы, посмотреть по сторонам.

Я сменил нижнюю рубашку на чистую, перешитую Полей из вещей мужа.

Ежедневная смена рубашки – это здесь как на Земле ежедневный душ. Часть пота и грязи остается на ней, и мыться не так часто нужно. Понятно, кто-то рубашки меняет, а кто-то – так ходит, благоухая застарелым потом. А крестьяне, скажем, рубашки меняют раз в неделю, но зато в баню в выходной день ходят. В общем, как и везде – чистоплотность от человека зависит.

Мы спустились на завтрак. Поели. Мне хотелось поспать после трудной ночи, но если сейчас лягу – весь день пропа-

дет. Надо потерпеть, справлюсь.

Когда вышли из трактира, я заметил нескольких детишек, которые группкой стояли на улице. Я вспомнил, как видел подростков вчера у трактира, и подумал – почему бы и мне не использовать малолетних наблюдателей? Подозвал детей, они лет по десять были, мальчишки.

– Кто хочет заработать три стрелки?

– А чё делать-то надо? – попытался придать себе солидности самый щекастый.

– Посидеть до ужина на улице, понаблюдать за домом, потом прийти и сказать – кто приходил, что делал.

– Это не меньше шести стрелок тебе встанет, дядя. И одну стрелку авансом – мы пироги купим, чтобы голодными не сидеть.

Я согласился. Выдал предводителю стайки мальчишек одну серебряную чешуйку номиналом в одну стрелу, объяснил, какой дом меня интересует. Стайка унеслась вверх по улице.

– Зачем это? – стало любопытно Поле.

– Пусть последят за домом, который банде скотокрадов принадлежал. Если там всё спокойно будет, никто тревогу не подымет, можно будет туда вернуться. Там кони остались, вещей всяких много, оружие кое-какое, припасы в погребе. Мы там даже пожить можем какое-то время, я думаю.

– А бандиты?

– А бандитов не осталось.

Женщина недоверчиво на меня глянула. Задумалась.

Мы побродили по рынку, Поля приценивалась ко всяким мелочам. Потом спустились к порту. Он отделялся от города стеной, в воротах стояли ленивые стражники.

Я уже почти направился к воротам, хотелось посмотреть поближе на корабли, но вдруг заметил странное.

– Стой! – остановил я Полю раньше, чем осознал опасность.

Не сразу сообразил даже, что именно меня насторожило. Потом понял – темно-зеленый плащ некроманта. Около стражников стоял табурет, на нем, опираясь спиной на стену надвратной башни, сидел некромант. Не полноценный маг, а студент. Его короткий плащ был накинут на одно плечо, держался на перевязи через грудь, так именно студенты носят.

Что может делать студент магической академии рядом со стражниками?

Напрашивалась мысль, что это связано с моим побегом. Я был в академии и бежал. Руководство академии дало в помощь стражникам тех, кого не жалко – студентов. Логично? Логично.

Значит, такие же студенты сидят на всех воротах. И это очень плохо, потому что мы заперты в городских стенах, как в ловушке.

Я задумался – а что, собственно, могут делать эти студенты? В лицо они меня не узнают. У них может быть поисковый амулет, который сработает, если я окажусь на расстоя-

нии его действия. Раз сидят в воротах – скорее всего это расстояние небольшое, иначе сложно было бы им пользоваться – в городе людей много, поди разберись, на кого сработало.

Но чтобы настроить амулет на меня, нужен образец волос, крови или другая метка. Может у них быть мой образец? При убийстве могли срезать, пока я трупом валялся, для последующего поднятия призраком. Но знают ли они, что я был убит? Вряд ли. Воскрешение – это явление крайне редкое, иначе я бы о нем слышал. Значит, они должны считать меня одним из тех, кто выжил. А при жизни они у меня волосы не срезали. В покоях тюремщика волосы я тоже не разбрасывал, после стрижки сжег в камине. Грязную одежду свою не оставлял. Откуда у них моя метка? Вроде и неоткуда.

Мой взгляд упал на Полетту. А вот ее метку они могли найти. Она в тех покоях долго жила. Значит хоть где-то, но волосок упал, а он приметный, рыжий, найти легко. Или на простынях след пота или чего другого остался, например. Да, пожалуй, с опознанием Поли проблем у них не должно возникнуть.

Нужно было уточнить кое-что. Уточнить можно на доске объявлений, она расположена около входа на рынок.

Дефилируя в толпе, мы приблизились к доске объявлений. Там муниципалитет вывешивал всякие важные новости. Например, афишки с информацией о находящихся в розыске преступниках.

– Поля, радость моя, а ты читать умеешь? – запоздало поинтересовался я.

– Нет, мой господин. Я же из крестьянок.

Среди крестьян умеет читать примерно половина мужчин, а вот женщин – гораздо меньше. Впрочем, и среди горожанок процент грамотных невысок.

– Ладно, придется мне. Уж наши имена я и на милосском разберу.

Я умел читать на низотейском, а на милосском – плохо. Хотя буквы вроде одинаковы, и говорить я умею, но многие слова не сразу узнаю, там где правописание сложное. А писать самому на милосском – даже пытаться не стоит.

Объявления, которые нас интересовали, находились в разделе розыска преступников.

«Разыскивается беглый раб и убийца по имени Бенек. Приметы: бородат, темноволос, шрам на лице имеет, говорит с горским произношением. Весьма опасен. Кто узнает – пусть за вознаграждение сообщит страже или в магическую академию или убьет, если сможет».

«Для дачи показаний разыскивается жена низкого сословия Полетта. Приметы: молода, рыжа. Кто узнает, пусть за вознаграждение отведет или сообщит в стражу или магическую академию».

Итак, розыск на нас был объявлен.

Хорошая новость – что нас искали по двум разным объявлениям. И любой, кто их прочитает, будет думать отдель-

но о молодой женщине и бородатом горце. А не о паре.

Еще одна хорошая новость – среди моих примет указана борода, которой уже нет, а для Поли – цвет волос, которые скрыты под головной накидкой. К тому же она одевается, как обеспеченная горожанка, а не особа низкого сословия.

Плохая новость – трактирщик рано или поздно может прочесть объявления и сопоставить факты. Или, что более вероятно, кроме наблюдателей на выходах из города нас могут начать искать на постоянных дворах. Может и уже ищут. А может, сделают поисковых амулетов больше, и тогда начнут искать. Так что с постоянного двора нужно уходить.

Мы бродили по городу до обеда. Я получил представление о его планировке, расположении основных мест – порта, рынка, городских ворот, торговых и ремесленных улиц. Проверил еще пару городских ворот – на всех присутствовал студент-некромант.

Вернулись уставшими. Особенно я, после бессонной ночи.

Перед тем, как идти на постоянный двор, я дошел до дома скотокрадов, издалека проверил – всё ли там спокойно, сидят ли мои несовершеннолетние наблюдатели рядом с домом. Вокруг дома суеты никакой не наблюдалось. Ребятишки сидели группкой, играли в «перышко». Это такая местная детская игра – они чертят на земле круг, бросают на него перо, тот, кто попал – молодец, у кого перо вынесло за гра-

ницы – проиграл. Потом круг уменьшают, и так – пока не останется только один игрок.

В трактире мы пообедали, я заказал в номер воду для мытья. Полетта меня вымыла, а потом и обласкала. Я выспался немного до ужина. Жизнь стала налаживаться.

Перед ужином прибежали малолетние наблюдатели. Я вышел к ним, они отчитались. Никто за день к дому скотокрадов не приходил. Совсем никто. Видимо, к себе они никого не приглашали, жили обособленно.

Сразу после ужина я скомандовал Поле складывать вещи – мы переселяемся.

Она удивилась, но вопросов не задавала. Понимала, что мы в розыске и не можем себе позволить сидеть на попе ровно.

На улице уже стемнело.

Я закинул узлы с вещами себе на плечо и повел свою подругу-служанку в дом скотокрадов. Там мы сможем отсидеться какое-то время, если будем вести себя тихо. А если кто придет и станет в дом ломиться – будем по обстоятельствам решать. Кого-то я и убить могу, а от кого-то – прятаться придется.

На улице почти никого не встретилось, нас никто не видел, когда я отпер ключом дверь дома, и мы скрылись внутри.

Дом стоял темным и холодным.

Мы заняли покой хозяина.

Я принес дров, Поля растопила камин и плиту на кухне. Мне пришлось идти в конюшню – напоить и накормить лошадей, они там уже сутки стояли без воды и сена.

Когда я вернулся, спальня согрелась и выглядела обжитой и уютной.

Поля сидела на кресле с чашкой чая, кутаясь в теплый плед. Еще одна чашка была приготовлена для меня.

Обстановка выглядела очень домашней.

Впереди нас ждала долгая ночь на широкой кровати.

Завтракать пришлось тем, что нашлось на кухне и в погребке. Выходить покупать молоко и булочки я не разрешил. Поля что-то вроде пресных оладий нажарила к чаю, мы их с медом ели. Оказалось не так вкусно, как свежие булочки или пироги, но тоже ничего.

– Я пойду в город. Надо искать способ выбраться.

– А я тогда дом осмотрю. Я на дворе повозку видела – может, нам ее взять? Тогда много вещей можно с собой увезти. Легче будет на новом месте обживаться. Дом большой, богатый, тут всего много, – при этих словах Поля смотрела на меня жалостливыми глазами кота из мультика.

Ее крестьянская бережливая натура не могла допустить, что такой богатый дом останется не разграбленным нами. Ей бы волю – она бы даже витражи из окон хозяйских покоев вывезла и мебель. Кстати, витражи – это вариант, они не де-

шевы... хотя снимать их трудно и свинцовые рамы у них тяжелые.

– Посмотри, что имеет смысл взять. Сложи всё интересное в одной комнате на первом этаже, у выхода во двор, чтобы погрузить быстро можно было. Только я не знаю пока – можно ли будет взять повозку, или выючных коней, или пешком придется идти. Вдруг морем надо будет выбираться?

Лицо Полетты приобрело задумчивое выражение. Она уже была где-то там, среди таких нужных и красивых вещей, которые можно утащить с собой.

– Бери не только то, что нужно по хозяйству, но и то, что легкое и дорогое, – уточнил я, а то моя служанка-подруга опыта в грабеже совсем не имеет. И слишком много не хватит, телега с тяжелым грузом по плохим дорогам не пройдет.

Поля покивала головой.

Вот, теперь эта чистая крестьянская душа приобщилась к грабежу. Сначала – разврат. Потом – помощь убийце. Теперь грабеж. Что дальше? Определенно, мое общество плохо на нее влияет. Так и до орального секса у нас дойдет...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.